

Наталья Солнцева

Третий после смерти

Артефакт – детектив. Всеслав и Ева

Наталья Солнцева

Третий после смерти

«Издательство АСТ»

2007, 2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солнцева Н. А.

Третий после смерти / Н. А. Солнцева — «Издательство АСТ»,
2007,2019 — (Артефакт – детектив. Всеслав и Ева)

ISBN 978-5-17-119009-5

В тихом провинциальном городке зверски убит офицер Вершинин. Оказалось, накануне смерти он повздорил с поклонником своей бывшей возлюбленной Марии Симанской. Скромная учительница музыки обладает необъяснимой женской притягательностью, у нее множество воздыхателей, но никому она не отвечает взаимностью. Вскоре Маша уезжает из родного города, но на этом ее несчастья не закончились... Тем временем в столице происходит еще одно убийство: погиб известный предприниматель. Частный детектив Смирнов и его помощница Ева чувствуют, что надо спешить, иначе будет третий погибший. Каким образом древняя семейная легенда Симанских связана с этими загадочными преступлениями? Новая редакция книги, которая ранее выходила под названием «Третье рождение Феникса».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119009-5

© Солнцева Н. А., 2007,2019
© Издательство АСТ, 2007,2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Наталья Анатольевна Солнцева

Третий после смерти

*Ах, бог любви, загадочный поэт,
Вас наградил совсем особой меркой,
И нет таких, как Вы...*

Н. Гумилев

Дорогой Читатель!

Я написала уже больше пятидесяти книг.

Каждая из них – мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

В моих героях вы обязательно узнаете себя и заглянете в самые сокровенные уголки подсознания.

Быть может, это станет поворотным моментом в вашей жизни.

С любовью,

Наталья Солнцева

Глава 1

Он хотел убить *ее*. Но не смог. Он с самого начала решил, что убьет *ее*, как только *она*... Не получилось. Он потерял контроль над собой, увлекся. Он втянулся в странную, волнующую игру, которая заставила его потерять голову. Он дошел до того, что начал строить планы, включая в них *ее*!

Все шло так гладко, так легко, и когда он уже почти достиг цели, вмешалась судьба. Он был на волосок... не от смерти, нет – от невероятной, неслыханной, сказочной удачи! А удача – дама капризная. Когда ее слишком настойчиво преследуют, она начинает выскользывать из рук. Она не любит охотников. Бесшабашные гуляки, безумцы и влюбленные – вот ее короли, принцы и принцессы. Удача неразборчива... Как несправедливо!

Он помнил *тот* день до мельчайших подробностей. Вернее, наступил уже вечер. Он сидел в сумрачном, гулком зале – уставший, не выспавшийся, – и тут... ему на глаза попало то, о чем он грезил в своих золотых снах.

– Этого не может быть, – шептал он. – Не может быть...

И жадно возвращался к тому, что увидел. Он с детства лелеял эту мечту, но не представлял себе, каким образом она могла бы осуществиться. В этом времени, в этой стране... Если бы он жил в шестнадцатом веке! Или в семнадцатом. Если бы он был лордом, графом... алхимиком или путешественником, тогда... Если бы он был везунчиком, как некоторые! Нет, ему каждый жизненный шаг давался с трудом, потом и кровью. Он все зарабатывал своим собственным горбом, света белого не видя. А другие ловили ветер удачи и плыли к волшебным островам.

Но разве божественное провидение не разделило шансы поровну между всеми? Разве у фортуны есть любимчики и изгои? Судя по его наблюдениям, есть. И всегда были. Он до сих пор относил себя к изгоям. Может быть, он ошибался?

Наконец-то и ему улыбнулась удача! Теперь уж он ее не отпустит, не даст вырваться из цепких рук и упорхнуть. Не дождетесь! Он единственный сумел разглядеть золотой проблеск под слоем многовековой пыли. Он додумался до того, что видели многие, но никто не понял. Он – избранный!

И с того дня началась его охота. Он шел по следу, перебирая десятки, сотни вариантов и отбрасывая их один за другим. Он отчаивался и вновь возрождался для вдохновения. Без страсти и силы не происходит ничто великое! Он доберется до вершины, чего бы это ему не стоило. Он пойдет на любые жертвы и лишения, но не отступит. Он непобедим в своем стремлении к обладанию...

На этом его мысли обрывались. Миг обладания! Дальше – а дальше простиралась пустота. Он пытался заглянуть в нее... но тщетно. Пустота пугала его, и он старался о ней не думать.

Его охота стала приносить первые плоды. Пусть пока незначительные. Главное – он на верном пути. Он взял след, который приведет его... к желанной цели! А там – будь, что будет. Если для этого придется пролить кровь, он ее прольет. Мало, что ли, крови проливали люди? Самые большие реки крови проливались за идею... Разве не глупо? Променять жизнь на сомнительные убеждения, бороться за чужие идеалы? Зачем?

Его охота становилась все увлекательнее. Он преодолевал препятствие за препятствием, снимал слой за слоем... он почти расчистил себе дорогу. Он узнал многое, но не все. Последние шаги оказались самыми трудными. Он путался, шел по ложным следам, возвращался в исходную точку и начинал все с начала. Он был неутомим.

Его охота стала смыслом его жизни, заменила ему все, чем он дорожил раньше. Она стала его единственным светом в угрюмом лабиринте существования. И вот, когда осталось только протянуть руку... все срывается! Откуда ни возьмись, появляются люди, которые пытаются

перехватить желанную добычу. Кто-то незаслуженно хочет присвоить себе лавры победителя. Без всяких усилий. Раз – и в дамки!

Он не может такого допустить. Жизнь похожа на шахматную партию – если какую-то фигуру надо убрать, ее убирают. Потом он покается... замолит грехи, обратится к богу за помощью и прощением. Не сейчас.

Его охота подошла к последнему этапу, и нельзя никому позволить приближаться к вожаемой награде. Никому! Он будет бороться за нее до последнего вздоха, до последней капли крови. Если придется убивать... что ж, старый способ избавляться от соперников здесь вполне подойдет.

– Я слишком умен, чтобы попасться, – уверял он себя, когда предательский страх поднимал голову. – Я знаю, как действовать, чтобы не подвергать себя опасности. Меня никогда не найдут. Я все обдумываю заранее, учитываю все детали. Я не оставляю следов. Я сам охотник и не намерен приобретать повадки дичи. Я неуловим!

Так он успокаивался. И снова выходил на охоту. Ему приходилось рисковать, но риск был оправданным. Он приносил результаты. Не совсем те, на которые охотник рассчитывал. Происходило нечто неожиданное, путало все карты.

Вот и сейчас. Он надеялся, что ему никто не помешает. Вроде бы он рассчитал время... Время! Как его катастрофически не хватало! Приходилось допускать небрежности и полагаться на везение. До сих пор ему это удавалось.

Кто же мог знать, что *она* появится именно здесь, именно в эти минуты? И увидит... Ему пришлось спрятаться. Он присел, притаился за ширмой, задержал дыхание. Такая ширма в старинном стиле, сделанная из натурального дерева, стоит уйму денег. Больше она хозяину не понадобится. Ему вообще больше ничего не понадобится из нажитого.

Но что здесь делает *она*? Каким ветром *ее* сюда занесло? Неужели они созданы друг для друга – он и *она*?! Не совсем подходящий повод для свидания.

От ширмы шел запах лака и дорогой ткани. В щелку на стыке охотнику было отлично все видно. *Она* входит – испуганно-настороженная... Может, и *ее* убить? Нет, нельзя... На *нее* вся надежда. И потом, разве он может лишиться *ее*? С самого начала он решил, что *ее* лучше убить, когда *она*... выполнит предназначенное. Но как *ее* заставить сделать это? *Она* сопротивляется. Возможно, чувствует неладное. Каким образом? Ведь он отлично замаскировался. *Ей* и в голову не приходит, что...

Он слышал *ее* шаги, заглушаемые стуком его сердца. Если *она* заглянет за ширму, то уже не спасется.

«Уходи! – мысленно заклинал он. – Беги прочь отсюда! Ты мне еще нужна. Я не могу убить тебя сейчас. А может быть, не смогу убить вовсе. Но ты будешь со мной рядом – навсегда, навеки. У нас нет выбора. Уходи же!»

* * *

В Москве стояла снежная, морозная зима. По утрам солнце поднималось в ледяной розовой дымке, купола кремлевских соборов соперничали с ним золотым блеском. Снег скрипел под ногами прохожих.

По четвергам Тарас Михалин и Феликс Мартов с утра ходили в баню. Это превратилось для них в нечто вроде священнодействия, неперемennого еженедельного ритуала.

Настоящая русская баня «Парная у Раздольного» была их собственным детищем, они открыли ее два года назад, прежде всего, чтобы самим париться. Ну, а поскольку занимались они коммерцией, причем весьма успешно, то решили и с бани поиметь выгоду. Кроме обычных услуг парной – душистого травяного пара, березовых веников и прочих банных атрибутов, желающие могли поплавать в бассейне, попить чайку с медом, кваску, клюквенного

морсу, брусничной настойки. Любители пива и водочки имели возможность закусить вареными раками, блинами, икоркой, осетринкой, солеными груздями, сибирскими пельменями. Заведение было оборудовано в добротном старинном духе, отделано специальными сортами дерева – не как попало, а со вкусом и знанием дела. Баня приобретала популярность, несмотря на довольно высокую плату за все удовольствия.

По четвергам «Парная у Раздольного» открывалась только в полдень, после того как попарятся всласть хозяева.

Тарас посмотрел на часы – он уже сорок минут сидел в предбаннике, ждал Мартова. Уж не случилось ли чего? Домашний и мобильный телефоны Феликса молчали.

– Принеси-ка мне перцовки, братец, – попросил банщика Тарас.

Тот понимающе кивнул, вышел, через минуту вернулся с запотевшей бутылкой «Горилки с перцем» на подносе, рюмкой, блюдечком икры.

– Не волнуйтесь, Тарас Дмитриевич, – сказал он, переставляя все это с подноса на некрашенный деревянный стол. – Может, господин Мартов у женщины ночевал... вот и задерживается. Дело молодое, горячее!

– Иди, – махнул рукой Тарас. – Я тут один посижу.

Тарас Михалин в прошлом был выдающимся спортсменом-гимнастом. Олимпийским чемпионом он так и не стал, хотя имел серебряные и бронзовые награды, поэтому решил уйти из большого спорта. «Вечный второй» – такая роль пришлась ему не по вкусу. Оставив спорт, Тарас занялся журналистикой. Это быстро ему наскучило.

Друг предложил попробовать себя в бизнесе – продавать спортивную одежду, инвентарь, открыть несколько тренажерных залов.

– Заработаем денег, начнем издавать журнал «Плейбой для спортсменов», – уговаривал он Тараса. – Или «Спортивный плейбой». Тебе как больше нравится? А на обложках будем помещать твою фотографию. Вон ты какой красавец! По улице рядом с тобой идти невозможно – женщины так и млеют. Глядишь, и на меня глаз положит какая-нибудь мисс Москва – благодаря тебе!

– Шутишь?

– Может, и шучу, – смеялся Феликс.

Вместе с Феликсом Мартовым они два года учились в университете на факультете журналистики. Потом Мартов ушел, подался в репортеры, ездил на Ближний Восток, чудом остался жив. По возвращении в Москву устроился на телевидение, пытался делать авторскую программу – не получилось. Бросил, взял в банке кредит и открыл свое дело. Как ни странно, бизнес у него пошел.

– Торговля – это мое призвание, – признался Феликс, когда они с Тарасом случайно встретились в одном из уютных московских кафе. – Никогда бы не подумал. Родители у меня филологи, и сам я готовился к карьере писателя или режиссера. В крайнем случае сценариста. А оказалось, я не литератор, а торгаш: люблю продавать! Ты разочарован?

Михалин покачал головой.

– Я ушел из спорта, – вздохнул он. – Закончил наконец университет. Только журналиста из меня не вышло.

– Женился?

– Нет.

– И я холостякую! – обрадовался Мартов.

До Тараса доходили слухи о якобы несчастном романе Феликса с девушкой-репортером, погибшей на Ближнем Востоке. Она была француженкой, из семьи русских эмигрантов. Погибла в Газе. Катя Жордан, так ее звали.

Из кафе они отправились к Феликсу домой, в его трехкомнатную квартиру на улице Плеханова.

– Родители оставили, – объяснил он Тарасу. – А сами переехали в бабушкину на Каланчевскую. Там две комнаты, им хватает, и платить меньше. Выпьем, что ли, за встречу?

Он достал из холодильника водку, оливки, ветчину и свежие огурцы. Разговорились... Тарас поделился своими проблемами: из спорта и журналистики ушел, а куда податься, не знает. Феликс сочувственно кивал головой, слушал. Рассказал о Кате.

– Если бы я успел довести ее до больницы... Ей осколок попал в грудь, было сильное кровотечение. Я ничего не смог сделать, не смог ей помочь!

Он принес фотографию в темной рамке – тонкое лицо, большие глаза, пухлые красивые губы, чуть выющиеся стриженные волосы.

– Это Катя...

Михалин деликатно промолчал. Что тут скажешь? В утешении Феликс вряд ли нуждается – прошли годы, боль притупилась, да и есть ли слова, которые могли бы его утешить?

– А ты отчего не женишься? – спросил Мартов. – Пора, мой друг, пора!

– Пока спортом занимался, не до того было, а теперь... Какая женитьба, когда я на ноги еще твердо не встал? Семью кормить надо. А какой из меня кормилец?

Тарас лукавил. О женитьбе он вообще не думал, семейная жизнь его не привлекала. Успеет еще! Занятия гимнастикой, бесконечные разъезды, изнурительные тренировки, железная дисциплина, дни, расписанные по минутам, – все это порядком ему надоело. Хотелось свободы, новых впечатлений. Бывший тренер звал его к себе, давал группу перспективных ребят, но Тарас отказался наотрез. Со спортом покончено. Уходя – уходи.

Тогда Мартов и предложил ему совместный бизнес. Эх, была не была! Тарас согласился, бросился в незнакомую стихию, как в омут, с головой. Он не привык ничего делать наполовину.

– Назовем фирму «МиМ», – сказал Феликс. – «М» и «М» – Мартов и Михалин! Твое имя в спортивных кругах известно, займись-ка ты рекламой наших товаров.

То ли Феликс своей уверенностью в успехе увлек Тараса, то ли у бывшего спортсмена пробудилась склонность к торговле – дела у них пошли как по маслу: быстро, легко, красиво. Заключили договора с зарубежными партнерами, открыли несколько дочерних фирм, начали подумывать о журнале. Оба ведь когда-то учились писать! Тарас даже успел издать десяток статей под псевдонимом Панкрат Раздольный. Этот псевдоним и дал название их русской бане.

Михалин выпил на голодный желудок третью рюмку и охмелел. Закусывать не мог – не хотелось. Прошло еще полчаса, а Феликс так и не пришел, не позвонил. Может, по дороге что случилось?

Тарас оделся, вышел из бани... Морозный воздух обжег лицо. Девственная белизна снега слепила глаза, на ней лежали синие тени.

На парковочной площадке стояла его новенькая «Ауди». Садиться выпившим за руль он не привык, но не ловить же такси? Три рюмки – это не так уж и много. Он медленно, осторожно выехал на шоссе и через двадцать минут был уже у дома Феликса на улице Плеханова. На двери подъезда стоял кодовый замок. Тарас нажал нужные кнопки и оказался в просторном, чистом парадном. Лифт мягко заскользил вверх, на пятом этаже остановился. Тарас вышел. Дверь в квартиру Феликса была открыта, он это сразу почувствовал: обычно она прилегала плотно, почти без щели.

Михалин остановился, прислушался. Из квартиры не доносилось ни звука. Он зачем-то посмотрел на лестницу, и вверх, и вниз – там никого не было. Тогда Тарас потянул дверь на себя, и она мягко, плавно подалась, открылась... В прихожей царил беспорядок – все было разбросано, перевернуто вверх дном. То же творилось и в гостиной, и в спальне, и в кабинете хозяина. Феликс лежал на полу кабинета рядом с письменным столом, лицом вверх. Из его груди торчала рукоятка ножа.

Все это было настолько нелепо, даже в чем-то театрально, что показалось Тарасу бредовым видением, которое вот-вот рассеется. Но видение не исчезало. Надо было что-то делать... Он приблизился к телу, наклонился, хотя сразу понял: Феликс мертв.

Глава 2

Костров. Год назад

– Посмотри в ноты, – устало сказала Маша, глядя мимо ученицы в окно, за которым сплошной стеной валил снег. – Ты путаешь аккорды.

Девочка исправила ошибку, но следующий такт снова сыграла фальшиво.

– Хватит... – вздохнула учительница. – Поработай над этим дома. А сейчас открывай сонату...

Девочка заиграла Гайдна¹, поминутно сбиваясь и делая остановки. Маэстро сошел бы с ума, услышав, как безбожно коверкают его произведения. Но Маша – Мария Варламовна Симанская – за годы работы в музыкальной школе и не к такому привыкла. Она молчала, терпеливо постукивала ногой, помогая ученице соблюдать ритм.

– Раз-и, два-и... – бормотала та, кивая от усердия головкой с рыжими косичками.

Уроки были невыносимо однообразны, скучны, как и надоевшие снежные сугробы, похоронившие под собой маленький глухой городок Костров. Третьи сутки мела метель, не прекращаясь ни днем, ни ночью. Мутная пелена отрезала городок от окружающего мира, и казалось, будто это – последний остров на краю туманной белесой бездны.

По утрам солнце стояло на низком небе серебристым пятном, из труб курились дымы, деревья потрескивали от стужи. А по бокам тротуаров громоздились снежные горы.

Хорошо было заходить с мороза в тепло деревянного здания школы, где в печах трещали дрова, крашенные полы были чисто вымыты, в окна классов заглядывал пушистый от инея и снега старый сад...

– Чай пить будете? – спросила пожилая уборщица Матрена Карповна, робко приоткрывая дверь.

Мария Варламовна степенно кивнула, и дверь бесшумно затворилась. В Кострове привыкли уважать учителей, особенно учителей музыки. Уметь играть на фортепиано, скрипке или аккордеоне считалось признаком хорошего тона, и все зажиточные семьи стремились дать детям музыкальное образование. Хотя бы начальное.

Госпожа Симанская сделала записи в дневнике ученицы, глубоко вздохнула и поправила тяжелый узел волос на затылке. И причесывалась, и одевалась она несколько старомодно, несмотря на возраст. Этой зимой ей должно было исполниться всего только двадцать девять лет.

– Иди, Лена, – сказала Мария Варламовна, подавая ученице дневник. – И побольше занимайся. Скоро экзамены.

Девочка вышла, а учительница встала, закрыла глаза и прислонилась спиной к печке. Через шерстяное платье проникало приятное тепло.

Матрена Карповна готовила в учительской чай: было слышно, как звенят чашки. По крыше мело, на чердаке гудел ветер. Симанская знала, что следующий час у нее свободен – ученик заболел и не придет, так что она может спокойно попить чаю, поболтать с приятельницей.

¹ Гайдн, Франц Йозеф (1732–1809) – австрийский композитор.

* * *

Тамара Ивановна Зорина, пятидесятилетняя крашеная блондинка, вела класс домры², у нее было мало учеников и много свободного времени. Кроме того, в ее обязанности входило готовить к выступлениям школьный оркестр народных инструментов.

– Завидую вам, пианистам, – любила повторять она. – Отработал уроки, и голова не болит! А тут возись с балалайками да гармошками, нервы свои мотай! Тот партию не выучил, тот заболел, а на носу концерт. С кого директор спросит? С Тамары Ивановны!

В этом году в школе появилась молодая преподавательница по классу народных инструментов – Ольга Вершинина. И сразу вызвала ревность Зориной. Тамара Ивановна старалась виду не подавать, но Ольга раздражала ее решительно всем – своим профессиональным мастерством, молодостью и задором, наивной восторженностью.

Зато Мария Варламовна близко сошлась с Ольгой, и они мило болтали, ходили друг к другу в гости и даже делились маленькими секретами. Симанская отличалась сдержанностью, а Ольга, напротив, ничего скрывать не умела, и любая эмоция легко читалась на ее юном курносом личике.

Мария Варламовна вошла в учительскую, когда Зорина наливала себе чай, вежливо поздоровалась и села на свое любимое место у окна. Через стекла задувал ветер; старая береза, вся в снегу, гнулась, шуршала по стене ветками.

– Прекрасно выглядите, – с завистью сказала Зорина, отрываясь от самовара. – У вас новое платье? Ну, конечно, вы дама одинокая, можете себе позволить.

Она намекала, что сама воспитывает сына и сорить деньгами, как некоторые, не в состоянии.

Симанская не собиралась ей отвечать – она давно привыкла к плохо завуалированным колкостям Тамары Ивановны. Та хотела развить тему необоснованных трат и материальных излишеств, но положение спасла Вершинина.

– А вам, Мария Варламовна, сегодня опять звонили! – радостно сообщила Ольга, вприхнув в учительскую. – Тот же приятный баритон.

Симанская молча пожала плечами. Тамара Ивановна покраснела от досады. Пять лет назад умер ее муж, бывший военный летчик, и с тех пор безутешная вдова никак не могла успокоиться. Скорбь ее была наигранной, потому что на самом деле Зорину огорчала не столько смерть супруга, сколько отсутствие рядом с ней достойного мужчины – если не любовника, то хотя бы поклонника.

Подполковник в отставке Зорин много пил, не пропускал ни одной юбки, и, пьяный в стельку, задохнулся выхлопными газами в собственном «Москвиче», где заснул с включенной печкой. Последнее обстоятельство больно ранило Тамару Ивановну, лишая ее романтического ореола любящей и страдающей женщины, которая безвременно потеряла верного спутника жизни.

Неподалеку от Кострова, среди непроходимых псковских лесов, стояли несколько воинских частей и располагался военный аэродром. Военные с семьями жили в гарнизонных поселках, а по окончании срока службы разъезжались кто куда. Многие перебирались в большие города, такие как Псков, Новгород и Питер; многие возвращались в родные места; часть же оседала в Кострове. Бывшие офицеры и их жены составляли особый слой костровского общества, некий своеобразный мирок, закрытый для посторонних. Поневоле привыкшие общаться исключительно между собой, они и в Кострове придерживались тех же правил поведения,

² Домра – русский струнный щипковый инструмент.

редко вводя в свой круг посторонних. Если таковые и возникали, то преимущественно женщины.

Офицерские жены редко устраивались на работу, да в Кострове ее было и не найти, так что их уделом оставалось домашнее хозяйство и сплетни. Сами отставники занимались пересудами о политике, рыбалкой, охотой, периодически отдавая дань игре в карты. Не до конца реализованное в годы службы желание покутить и погусарить теперь нашло себе выход, и бывшие офицеры время от времени пускались на поиски приключений – устраивали загулы, заводили интрижки с костровскими дамами, давая пищу для сплетен любителям посудачить и перемыть кости ближним.

При жизни ветреного супруга вокруг Зориной постоянно вились ухажеры – такие же отставные вояки, которым седина уже успела ударить в голову, а бес, как принято говорить, – в ребро. Они осыпали Тамару Ивановну комплиментами, норовили как бы невзначай прижаться к ней, лобызали ручку, делали туманные, игривые намеки, но как только она овдовела – все будто отрезало. Интерес к ней сразу же угас, и она осталась наедине со своими горькими мыслями, сыном-подростком и кучей проблем. Зорин наделал долгов, а продать злополучный «Москвич» не представлялось возможным: дурная репутация автомобиля, который стал «убийцей» своего же хозяина, отпугивала покупателей. Никто не хотел стать очередной жертвой «гроба на колесах». Тамара Ивановна даже не могла сдавать в аренду гараж, потому что его занимала проклятая машина.

Надежды вдовы снова выйти замуж таяли как дым. Женихов ее возраста в Кострове было раз, два – и обчелся, а знакомые офицеры, которые раньше были не прочь приударить за Тамарой Ивановной, не собирались разводиться со своими благоверными.

Бывшие сослуживцы мужа, правда, помогли Зориной устроить сына в военное училище, когда тот через три года окончил школу, но на этом их участие и помощь исчерпали себя. Хорошо, что у Тамары Ивановны была работа. Уроки, педсоветы, репетиции оркестра, посиделки в учительской отвлекали, скрашивали ее одиночество.

Периодически ее интерес к мужскому полу обострялся, и тогда она устраивала у себя дома вечеринки, приглашая на них пару приятельниц и нескольких кавалеров. Вдруг выпитое вино, зажженные свечи, негромкая музыка поспособствуют возникновению какой-нибудь романтической связи? Как назло, на этих вечеринках иногда и в самом деле завязывались романы, но только не у Тамары Ивановны.

Общество, в котором вращалась Зорина, составляли бывшие военные, местные чиновники невысокого ранга, мелкие предприниматели и коллеги-учителя. Новые люди редко появлялись в Кострове, где все друг друга знали и успели порядком друг другу надоест. Так что вечеринки протекали в скуке и пустой болтовне, а ходили на них потому, что больше делать было нечего. А тут – хоть какое-то развлечение.

Среди костровских дам, которые неизменно пользовались успехом у мужчин, как ни странно, была Мария Варламовна Симанская. Коллеги-учителя, да и сам директор норовили остановить ее в коридоре для разговора, заглянуть по поводу и без повода в класс, напроситься в провожатые. Где бы она ни появилась, у нее всегда находился кавалер, и в любой компании на нее обращали внимание.

«Что они в ней находят? – недоумевала Зорина. – Баба как баба! Красавицей ее не назовешь, умницей – тоже. Одевается обыкновенно, никакими талантами не блещет. А мужики к ней так и липнут!»

Заявление Ольги о том, что Марии Варламовне снова звонил «приятный баритон», взбесило госпожу Зорину. Ей расхотелось пить чай в обществе этой выскочки, этой...

В лексиконе Тамары Ивановны не хватало слов для выражения ее отношения к Симанской. Строит из себя скромницу, глазки опускает... бесстыжая!

– Что ж это вы, Машенька, к телефону не подходите? – с фальшивой улыбкой спросила она. – Нехорошо.

Мария Варламовна только вздохнула. Ухажеров баловать нельзя – вмиг на голову сядут, не отобьешься. Мужчин нужно держать в отдалении, особенно таких настырных, как этот «баритон».

Молодая учительница во все глаза смотрела на Симанскую, и такое обожание сквозило в ее взгляде, что Тамару Ивановну даже затошнило.

– Впрочем, вы правы, Машенька, – скривилась она. – Не стоит превращать школу в дом свиданий!

Симанская промолчала. Ольга опустила глаза и покраснела.

– Какой нынче снег густой идет, – ни к кому не обращаясь, пробормотала она, стараясь загладить возникшую неловкость.

Вершинина положила себе на блюдечко вишневого варенья и не успела поднести ложку ко рту, как зазвонил телефон.

Тамара Ивановна, которая сидела к нему ближе всех, сняла трубку. Мужской голос спросил Симанскую.

– Это вас! – задохнувшись от возмущения, выдавила Зорина. – Опять...

Москва

После поминок Тарас не знал, куда себя девать. Убитые горем Мартовы – родители Феликса – стояли у него перед глазами. Они винили во всем бизнес, который и погубил их единственного сына.

– Он был таким способным, интеллигентным мальчиком, – сокрушалась мама. – Собирался стать драматургом, писать пьесы, сценарии для кинофильмов. Зачем ему понадобилась эта дурацкая торговля? А? Скажите, Тарас! Разве счастье в деньгах? Теперь Феликсу не нужны ни деньги, ни квартира, которую мы ему оставили. Он лежит в земле и больше ни в чем не нуждается!

Профессор Мартов, седой старик с орлиным профилем, изо всех сил сдерживал слезы.

– Когда Феликс уезжал на Ближний Восток, мы молились богу, чтобы сын вернулся оттуда живым, – горько вздыхал он. – А он погиб в Москве. За что? Почему это случилось?

Михалин не знал ответа. Он сам которые сутки ломал себе голову – кто и почему убил его друга и партнера? Получалось, что смерть Феликса больше всего выгодна именно ему, Тарасу. Теперь он становится единоличным владельцем фирмы «МиМ» со всей сетью складов, магазинов и спортзалов. Кое-кто уже начал бросать на Михалина косые взгляды.

Мартовы его не подозревали, они были слишком подавлены потерей сына и ни о чем больше не думали. Пока. Придет время, и эта мысль может поселиться в их умах.

Прошло девять дней. Михалин пытался отвлечь себя работой, но потерпел неудачу. Что бы он ни делал, память неизменно возвращала его в то солнечное, морозное утро четверга, когда он вошел в квартиру Феликса и застал там труп с ножом в груди. Ужасная картина так и стояла у него перед глазами – разбросанные повсюду вещи, вывернутые ящики письменного стола, раскрытые шкафы, содержимое которых валялось на полу: рубашки, майки, постельное белье, книги... а посреди всего этого – тело Феликса с кровавым пятном на светло-голубой сорочке, с торчащей из груди рукояткой ножа... Абсурд!

На столе в кабинете стояла фотография Кати Жордан – та самая, которую хозяин когда-то показывал Тарасу. На обороте – надпись по-русски: «Не будь тебя, дышала б я напрасно...» Эту фотографию потом мама Феликса положила ему в гроб.

– Наверное, он слишком тосковал по Кате, – сказала она. – Потому и ушел.

На девятый день Михалин пришел на кладбище. Венки и цветы разметал ветер, могильный холм замело снегом. Мартовых не было. Анастасия Юрьевна слегла, а ее супруг не отходил от нее ни на шаг, боялся потерять еще и жену.

Тарас долго стоял на пронизывающем ветру, смотрел, как снежная крупа засыпает огромный букет белых цветов, которые он положил на могилу. Белое на белом...

Вышло так, что ближе Феликса у него никого не было. Друзья по сборной команде – гимнасты – отошли, как только Михалин оставил спорт. Жениться он не успел, с родителями разошелся давно, еще в юности, – они ненавидели его увлечение спортом, считали, что сын их предал, заплатил черной неблагодарностью за любовь и заботу, и все свое внимание переключили на младшеньких: сестер-близнецов Надю и Веру. Михалины, потомственные педагоги-гуманитарии, всю душу вкладывали в воспитание детей, развивали в них стремление к духовному... а сын вдруг отдал предпочтение физкультуре, променял «вечные ценности» на спортивную карьеру. Они из кожи вон лезли, устроили Тараса в университет, а он сдавал зачеты и сессии когда придется, занятия почти не посещал, околачивался в спортзалах да пропадал на соревнованиях. Кажется, отец с матерью скорее обрадовались, чем огорчились, когда Тарас проиграл чемпионат мира, затем упустил олимпийское золото и стал вторым.

– Ты сделал ставку на мышцы, сынок, – злорадно сказал ему отец. – Они тебя подвели. Спорт – удел тех, кто не способен работать мозгами.

Родители так и не простили Тараса его отступничества. Они хотели видеть в нем известного журналиста или писателя, проводника высоких идей, а не физкультурника. Хорошо, что хоть девочки – Вера и Надежда – не внушали Михалиным тревоги. Они усердно занимались музыкой, рисованием и языками, читали книжки, пробовали писать стихи. Совсем другое дело!

Даже в этом Тарас и Феликс были похожи – оба жестоко разочаровали родителей, не оправдали их надежд.

На десятый день после смерти Мартова Михалин проснулся с головной болью. Всю ночь он промаялся, тщетно пытаясь забыться, и только к утру ему удалось немного поспать. Простояв с четверть часа под душем, Тарас так и не смог унять охватившее его беспокойство. Смерть Феликса повлекла за собой еще одно обстоятельство, которое повергло Тараса в отчаяние. Ровно в девять он позвонил начальнику охраны фирмы «МиМ» Петру Гусеву.

– Есть новости по убийству Мартова, Петя?

– Никаких, – вздохнул Гусев. – Менты это дело вряд ли раскрутят. Я навел справки: зацепок практически нет. Жаль Феликса Лаврентьевича, странно он как-то погиб...

– У тебя есть на примете толковый сыщик?

– Хотите обратиться к частнику? – удивился Гусев. – А что? Правильно. Надо искать убийцу самим, раз по-другому не получается.

– Надеюсь, ты меня не подозреваешь?

На том конце связи повисло молчание.

– Я-то нет, – ответил наконец Гусев. – А вообще... слухи ходят. Извините, Тарас Дмитриевич.

– Можешь порекомендовать кого-нибудь? – рассердился Михалин.

Он и сам знал, что за его спиной перешептываются, болтают всякое, но услышать это от Пети было особенно неприятно.

Гусев посоветовал позвонить частному сыщику Всеславу Смирнову.

– Если он согласится, лучшего и желать нечего, – сказал Петр. – Только он уж больно разборчивый.

– Мы хорошо заплатим!

– Не в деньгах дело. Смирнов берется только за те случаи, которые ему интересны, ну... любит всякие головоломки. Понимаете?

– Давай телефон! – еще больше разозлился Тарас. – Я с ним договарюсь.

Он решил не откладывать и тут же набрал номер Смирнова, представился, попросил встретиться.

– Буду ждать вас через сорок минут в бильярдной «Золотой шар», – согласился детектив. – Успеете?

– Постараюсь...

Михалин все же немного опоздал, разыскивая бильярдную, расположенную в глубине двора. Когда он вошел, сыщик привстал и помахал ему рукой. Весьма кстати, потому что Тарас не был лично с ним знаком.

В бильярдной горели лампы, пахло дымом от сигарет. На окнах висели тяжелые темные шторы.

– Как вы меня узнали? – усевшись на кожаный диван, поинтересовался Тарас.

– Видел по телевизору. Вы тот самый Михалин, который чуть не стал олимпийским чемпионом?

Тарас поморщился.

– Не стал, – жестко сказал он. – Это было давно, несколько лет назад. У вас хорошая память или...

– Я знаком с Петром Гусевым, – объяснил Смирнов, не очень вежливо перебивая собеседника. – Слышал об убийстве вашего партнера господина э-э... Мартова, кажется. Москва слухами полнится. После вашего звонка я связался с Петром и кое о чем его расспросил. В частности, ваш начальник охраны описал мне вашу внешность. Когда войдет ослепительный красавец-мужчина, сказал Гусев, это будет Тарас Михалин. Ошибиться невозможно.

– Ну и как? – усмехнулся Тарас.

– Вы оказались даже красивее, чем я представлял. Но это лирика... Чем могу быть вам полезен, господин Михалин?

Тарас молчал, изучая сыщика. Тот производил хорошее впечатление – крепкий, подтянутый, модно и дорого одетый, с умным, волевым лицом, пронизательным взглядом.

– А вы мне нравитесь, – неожиданно вырвалось у Тараса. – Пожалуй, вы сможете найти убийцу Феликса. Возьметесь?

– Излагайте суть дела, – уклонился от ответа детектив. – Посмотрим...

Михалин скупко описал, как он больше часа прождал Феликса в бане «Парная у Раздольного», забеспокоился, поехал к нему домой и...

– Остальное вы, наверное, знаете, – заключил Тарас. – Гусев вас посвятил в детали?

– Отчасти.

– Самое неприятное, что подозрения падают на меня, – признался бывший спортсмен. – И у меня нет алиби.

– А баня? Вас там видели?

– Видели. Но в баню я приехал около девяти утра и просидел там до начала одиннадцатого. А Феликса убили между началом восьмого и девятым. Так что теоретически я вполне мог успеть.

– У вас был мотив! – усмехнулся Смирнов. – Ведь фирма теперь принадлежит вам?

– И вы туда же! – взорвался Тарас. – Не убивал я Феликса! Мы дружили, работали вместе... строили планы. Не все в жизни измеряется деньгами и выгодой.

– Согласен. Но как насчет фирмы «МиМ»? Она теперь ваша?

Михалин раздраженно вздохнул.

– После соблюдения некоторых формальностей – будет моей, – сердито сказал он. – Разумеется, я обеспечу стариков Мартовых, чтобы они ни в чем не нуждались. Послушайте, вы серьезно полагаете, будто бы я... Но это же несусветная чушь! Зачем я тогда разговариваю здесь с вами? Хоча нанять вас, чтобы вы меня же и разоблачили?

Сыщик пожал плечами.

– Люди порой делают странные вещи, – философски заметил он. – Поверьте моему опыту. Курите?

Он достал из кармана сигареты. Тарас отрицательно покачал головой.

– мудро. Здоровье надо беречь! – сказал Смирнов и с наслаждением закурил. – Какие у вас были отношения с Мартовым в последнее время?

– Прекрасные.

– Вы не ссорились? Не спорили? Может быть, разошлись во мнениях?

Тарас Михалин отвел глаза.

– Всякое бывало, – помолчав, ответил он. – Иногда мы спорили, как все люди, которые делают общее дело. Но из-за этого никто друг друга не убивает.

– Ошибаетесь...

Бывший спортсмен поднял на собеседника свои красивые глаза. Они метали молнии.

– На что вы намекаете? – с трудом сдерживаясь, процедил он. – Я пригласил вас, чтобы вы искали убийцу, а не придумывали разные глупости!

– Понимаю, Тарас Дмитриевич, – без улыбки произнес Смирнов. – И все-таки продолжим. Как вы попали в квартиру Мартова тем утром? У вас есть ключи от его двери?

– Нет. Дверь была не заперта... Я просто открыл ее и вошел. Вероятно, убийца оставил дверь открытой, когда уходил.

– Замки были взломаны?

– Нет, – покачал головой Михалин. – Гусев все осматривал, потом разговаривал с полицейским экспертом... взлома не было.

– Значит, либо господин Мартов сам открыл убийце дверь и впустил его в квартиру, либо... у того были ключи.

Михалин пожал плечами.

– У меня ключей не было.

– А у кого были?

– Не знаю. Думаю, ни у кого. Зачем бы Феликс давал кому-то ключи от своей квартиры? Он был достаточно осторожным человеком: установил бронированную дверь с глазком, сигнализацию.

– Он мог впустить в квартиру постороннего?

– Только в крайнем случае.

– В каком, например?

– Ну... врача мог впустить... или слесаря, сантехника какого-нибудь, газовщика... как все. Соседа мог впустить, если хорошо его знал. Но... с соседями Феликс близких отношений не поддерживал. На улице Плеханова жили его родители, потом переехали, а квартиру оставили сыну. Многие старики-соседи продали свои квартиры, многие умерли. Все меняется. В их подъезде почти все жильцы новые, незнакомые, каждый сам по себе.

– Значит, с соседями господин Мартов дружбы не водил?

– Насколько мне известно, нет.

– Из квартиры что-нибудь пропало?

– Небольшая сумма денег, часы Феликса... в общем, мелочи. В квартире все было перевернуто, словно искали ценности, но Феликс ничего такого дома не держал. Так что убийство с целью ограбления – это маловероятно.

– Думаете, кавардак устроили для вида?

– Наверное... – предположил Михалин. – Я просто теряюсь, когда вспоминаю все это.

– У господина Мартова были друзья, кроме вас?

– Такие близкие? Пожалуй, нет. Были приятели, знакомые, партнеры по бизнесу... словом, дальнейшее окружение. Феликс жил довольно замкнуто после смерти Кати.

– Катя? Кто это?

– Его бывшая возлюбленная, Катя Жордан. Они оба были репортерами на Ближнем Востоке, поехали в район Газы, кажется... и Катя там погибла. Осколочное ранение. Феликс не любил говорить об этом.

– У него потом были другие женщины?

– Как вам сказать? И да, и нет. Интимные отношения случались – он же молодой мужчина, но все начиналось и заканчивалось постелью. Постоянной любовницы не было, если вы об этом спрашиваете. И ключи от квартиры он женщинам никогда не давал, он даже не приводил их к себе домой – считал, что этим он предает память Кати.

– Где же он с ними встречался? – спросил Смирнов.

– Так вы беретесь за это расследование или нет? – в очередной раз рассердился Михаил. – А то я вам тут выворачиваю всю подноготную Феликса... зачем, спрашивается?

– Возьмусь, пожалуй, – докурив сигарету, сказал сыщик. – Что-то в этой истории кажется мне странным.

Глава 3

Москва

Римма Лудкина копила деньги на дубленку. Все ее приятельницы щеголяли в дубленках, и только она продолжала носить старое надоевшее пальто из черного ратина. Она старалась откладывать каждый месяц, но раз за разом возникали какие-то непредвиденные траты. То мать написала, что отцу нужно делать операцию, и Римма срочно выслала домой деньги; то хозяин увеличил плату за квартиру; то телевизор сломался, а без него вечерами хоть волком вой – словом, не одно, так другое, и заветная сумма никак не набиралась.

Римма со вздохом посмотрела на себя в зеркало: симпатичное лицо, модная шапочка, сапожки на каблуках... мог бы быть вполне приличный вид. Всю картину портило пальто. Ну что ты будешь делать? Если кто-нибудь пригласит на свидание, даже пойти будет не в чем. Окончательно расстроившись, она отправилась на работу.

Лудкина работала на оптовом рынке, продавала продукты питания: крупы, сахар, макароны и консервы. Платили не так уж много, но по сравнению с зарплатой кассирши в аптеке, которую она получала в Кострове, деньги были неплохие. Львиная доля уходила за квартиру и на еду, оставались буквально какие-то крохи. При этом она раз в два месяца отсылала кое-какую сумму домой, родителям. Отец постоянно болел, мать не работала, брат еще учился в школе. Так что не видать ей дубленки, как своих ушей.

Не раз и не два долгими зимними ночами, когда за окнами мели нескончаемые тоскливые метели, а ноги и руки Риммы гудели, болели от усталости, не давая уснуть, вспоминала она мамины слова:

– Куда ты намылилась, Римка? Зачем поедешь в такую даль? Нешто в Новгороде или хоть в Питере работы не найдется?

– В Москву хочу, – мечтательно закрывая глаза, улыбалась Римма. – В столицу! Там счастье свое найду.

Мать горестно качала головой.

– Счастье – не гриб в лесу, дочка. Чего искать-то его?

Римме Лудкиной к тому времени исполнилось двадцать семь лет, образование – средняя школа да торговое училище. После училища мамина подруга пристроила ее кассиршей в аптеку. Римма даже успела побывать замужем – выскочила в неполные двадцать за водителя фургончика, который привозил в аптеку лекарства. Валерка оказался жадным, придиричивым и ревнивым. Пару раз набрасывался на молодую жену с кулаками, грозил прибить. Изредка он напивался до беспамятства и тогда становился просто бешеным – бил, крушил, ломал все, что попадалось ему под руку. Римка промучилась с ним три года – возила к бабке заговаривать от водки, потом в больницу в Псков, к известному врачу-наркологу. Доктор и шепнул ей по секрету, что Валерке нужен не нарколог, а психиатр. Римма провыла ночь напролет, оплакивая свою молодую загубленную жизнь, а наутро умылась, причесалась, проводила мужа на работу, собрала вещи – и подала на развод. Пришлось вернуться к родителям. Соседи судачили, шептались за ее спиной... да в Кострове такая судьба не редкость. Сплетни скоро утихли, и Римка зажила, как прежде – с работы домой, из дома на работу. Зарплаты едва хватало на самое необходимое. О замужестве больше думать не хотелось. И Римка начала мечтать о Москве – полной огней, дорогих автомобилей, высотных домов, театров, богатых магазинов, книг, новых неожиданных встреч... Один раз, еще в школе, она ездила на экскурсию в Питер. Город поразил ее воображение. Казалось, его дворцы и проспекты хранили эхо великого про-

шлого – сумеречного, туманного, пропитанного некоей тайной. Эта тайна испугала Римму, заставила ее почувствовать себя маленькой и беспомощной, потерявшейся в холодных каменных лабиринтах города на Неве. От его вековых стен несло плесенью, в каналах плескалась мутная, грязная вода.

Римма с радостью вернулась в тихий, зеленый Костров, который впервые перестал угнетать ее скучной размеренностью жизни, сладким запахом липовых аллей, журчанием реки, неторопливо текущей между живописных берегов, а не по мрачному гранитному руслу.

Мало-помалу унылое провинциальное житье опять опостылело молодой девушке, и она вновь предалась мечтам о большом, красивом городе. Если уж где-то и существует счастье, то именно там! Неудачное замужество подстегивало ее, гнало прочь из Кострова. Но решиться на переезд было не так-то просто. Москва – далекая, заманчивая – не ждала робких неумех.

– Что ты там делать будешь? Где жить? – сокрушалась мать. – Ох, Римка! Непутевая ты девка уродилась! Ну, кто тебя там ждет? Кому ты там нужна?

Римма упрямо молчала, хмурилась. Через год она начала откладывать деньги на билет до Москвы, на новую одежду, на загадочную столичную жизнь. Три года тянулись медленно, как долгие костровские зимы. Очередной весной, скромно отпраздновав в домашнем кругу свой день рождения, Римка заявила, что уезжает.

Ни уговоры матери, ни тяжелое, укоризненное молчание отца, ни охи-вздохи подружек не смогли удержать ее в Кострове.

Жизнь в Москве оказалась совсем не такой, как представлялось Римме. В центре города – там, где расположены бульвары, рестораны, театры и музеи, – бывать ей почти не приходилось. Она уматывалась за день, торопилась домой, в снятую на двоих квартиру в Братееве; ела что придется и заваливалась спать. Тело с непривычки ломило, желанный сон не приходил, мысли в голову лезли мрачные. Действительно, кому она здесь нужна? Работа тяжелая, крыша над головой чужая, все чужое. Москва оказалась неприступной твердыней, а не городом ее мечты.

Соседка по квартире, Людмила Дронова, жила в столице не первый год и охотно взялась опекать неопытную провинциалку: помогла сменить работу, познакомила с парнем, таким же приезжим. Так вместо разнорабочей дорожной бригады Римма Лудкина стала продавцом, и у нее появился друг. После Валеры парень оказался добрым, покладистым и щедрым. Жизнь медленно налаживалась.

Римма написала письмо родителям, но своего московского адреса не дала – побоялась, что Валера, не дай бог, узнает, приедет, устроит скандал, дебош, как он неоднократно делал в Кострове. Бывший супруг не хотел оставить ее в покое, продолжал пить, буянить, угрожать. С работы его выгнали, и теперь он был человек вольный, мог и в столицу махнуть.

– Я буду вам звонить, – успокоила Римма домашних. – Раз в месяц. Не волнуйтесь!

Так она и делала. Адресок Лудкина сообщила только одной из своих подруг, в которой была уверена.

Все пошло своим чередом. Суматошные годы в Москве были не то что в Кострове – они летели стремительно, мелькая, как огни за окнами скорого поезда.

Приезжая домой, Римма наслаждалась тишиной, шумом деревьев, одичавшим садом за окнами, своей девичьей комнатой в просторном деревянном доме, мирным потрескиванием дров в печи... но через неделю ее начинало неудержимо тянуть обратно в Москву.

– Не могу я здесь больше, – вздыхала она. – Не по мне эта тишь да благодать! Поеду... работать надо, деньги копить.

Во дворе прятался за сараями пьяный Валерка, поджидал бывшую жену, устраивал разборки с матерной руганью, истерикой, слезами.

– Вот навязался на мою голову! – возмущалась Римка. – Лечиться тебе надо. А ты пьешь!

Один раз Валерка попытался поджечь дом, родители Риммы вызвали полицию – скандал был на весь Костров. Это и вовсе отбило у нее охоту приезжать.

Она начала привыкать к Москве, к ее сутолоке, шуму, многолюдным рынкам, переполненному в час пик транспорту, длиннющим подземным переходам, кишачим торговцами и попрошайками, – а больше она в этом дивном, очарованном городе почти ничего и не видела: все недосуг было.

В редкие свои приезды в Костров Римма встречалась только с одной задушевной подругой, Машей Симанской. Так уж получилось, что старые друзья потерялись, погрязли в житейских проблемах, работе, детях, и одной Маше удалось этого избежать. Она до сих пор, так же как и Римма, не вышла замуж; работала спустя рукава, в свое удовольствие; с мужчинами встречалась, но дальше романтической любовной связи дело не заходило. Несмотря на возраст, опасно приблизившийся к тридцати, Маша оставалась в Кострове желанной невестой. Хотя здесь девчонки, кому перевалило за двадцать три, считались уже перестарками.

– Чем ты, Машка, мужиков приваживаешь? – спрашивала Римма. – Научи.

– Да ничем, – пожимала та плечами. – Они сами липнут.

– Эх, мне бы так... А то после Валерки – как отрезало. Был парень, с которым Люська, напарница моя, познакомилась, да и тот отстал. Полтора года встречались! Он жениться хотел, а я побоялась. Вдруг пить начнет? Да и жить нам негде. По квартирам скитаться с дитем не очень весело. – Римка отвела глаза. – Я ведь аборт сделала. Грех великий совершила!

Она заплакала.

Маша не стала ее утешать, просто ждала, пока слезы иссякнут. Она вообще не думала о детях, жила как на перекрестке – куда судьба выведет.

– У тебя мечта есть? – выплакавшись, спросила Лудкина.

– Конечно, есть! – засмеялась Маша. – С детства. Найти клад и выйти замуж за принца!

– Ты все шутишь, а я серьезно спрашиваю.

– Скажешь правду, а люди не верят, – притворно удивилась Симанская. – Почему так?

– Какие в Кострове клады? А из принцев разве что этот... Борька Герц, хозяин бензозаправки. Так он давно женат на своей Софе и воспитывает двух толстеньких девочек. Скоро они поступят к тебе в музыкальную школу, учиться играть на фортепьяно!

Подруги развеселились. Борис Герц, их бывший одноклассник, был давно и безнадежно влюблен в Машу, хотя сие обстоятельство не помешало ему жениться и произвести на свет двух очаровательных кудрявых малюток.

Так, болтая и хихикая, женщины прогуливались по длинной липовой аллее – гордости Кострова. Огромные раскидистые деревья создавали прохладную тень, источали медовые запахи, в их кронах гудели пчелы, собирая знаменитый костровский липовый мед.

– За нами «хвост»! – оглянувшись, засмеялась Римма. Преследования бывшего супруга приучили ее к осторожности. – Я уж подумала, мой пьянчужка тащится... Ан нет! Видать, это твой принц! Тайно крадется по следам возлюбленной дамы.

Маша нехотя, лениво оглянулась. За ними на приличном расстоянии шел мужчина. Случайный прохожий? Отчего-то настроение испортилось.

– Пойдем ко мне, – предложила Симанская. – Выпьем по рюмочке. Кавалеры снабдили меня вкуснейшим ликером. Кофейку сварим.

Они свернули с аллеи на улицу Островского, где жила Маша. В садах, за деревянными заборами зеленели усыпанные плодами яблони и груши, наливалась розовым соком калина. У самого дома Римма оглянулась – за ними никто не шел. Ветер приносил с речки запах тины; над низиной, куда спускалась дорога, вспорхнула из камышей и полетела куда-то стая диких уток...

Римма так задумалась, что едва не оступилась на эскалаторе.

– Спишь, что ли? – больно толкнула ее в спину дородная тетка в куртке с меховым воротником. – Или пьяная?

Лудкина сообразила, что она не в Кострове, а в московском метро. И что вокруг нее – раздраженная толпа людей, которые торопятся на работу. Она растерянно, виновато оглянулась... позади стоял на ступеньках эскалатора мужчина в черных очках. Тот самый?! Римма снова зазевалась и получила очередной толчок в бок. Некстати она вспомнила про Машу, про липовую аллею, вот и почудилось...

Поезд вынырнул из туннеля и подкатил к платформе, толпа качнулась, устремилась в раскрытые двери вагонов. Лудкина ускорила шаг, путаясь в полах длинного пальто, и ее мысли вернулись к вожаденной дубленке. Может, после Нового года ей прибавят зарплату? Тогда удастся приодеться.

Уже стоя за прилавком и отпуская товар, она несколько раз задумывалась. С чего ей показалось, будто она увидела в метро того самого мужчину, который шел за ней и Машей по липовой аллее Кострова? Когда это было-то? Больше года прошло. И почему ей стало не по себе? Это все нервы, усталость.

* * *

– Слышала об убийстве предпринимателя Феликса Мартова? – спросил Смирнов у Евы за ужином.

– Нет. У меня полно работы, так что ни телик смотреть, ни газеты читать некогда.

Ева Рязанцева и Всеслав Смирнов жили в одной квартире и представляли собой счастливую влюбленную пару, не состоящую в законном браке. Смирнов был бы не прочь жениться, но Ева отказывалась. Прошлый семейный опыт выработал у нее стойкое отвращение ко всему, что хоть как-то связано с понятием «жена».

И Ева, и Смирнов занимались частной деятельностью – она давала желающим уроки испанского языка, а он расследовал сложные, запутанные преступления. Только те, которые представляли для него интерес с точки зрения интеллектуального подхода к разгадке. Иногда Ева ему помогала. Они оба взяли себе за правило получать от жизни удовольствие и находили его прежде всего в работе. Делать то, что тебе нравится, и получать за это деньги – чем не один из секретов счастья?

– А чем Мартов занимался? Какой у него был бизнес? – после некоторого молчания спросила Ева.

– Фирма «МиМ», – спортивная одежда, инвентарь, тренажеры... сеть спортивных залов, еще что-то в том же духе. Дела шли неплохо. Бизнес легальный, без криминальной подоплеки. Непохоже, что убийство связано с коммерческой деятельностью Мартова.

– С чем же тогда?

– Пока не знаю, – улыбнулся Смирнов. – Партнер и друг Мартова, Тарас Михалин, хочет, чтобы я нашел убийцу.

– Ты согласился?

– Почти. Есть в этой истории теневая сторона, я чувствую. Подозрения падают на Тараса, но улики против него нет. В квартире убитого нашли отпечатки пальцев и следы Михалина – но это естественно: он часто бывал у друга, к тому же и труп он обнаружил. А вот нож, которым ударили хозяина квартиры, – чистенький. Обыкновенный охотничий нож, такие десятками продаются в каждом магазине для туристов, для охотников и рыболовов, в отделах сувениров и подарков. Нож – пустышка, по нему никого и ничего не найдешь.

– Откуда ты знаешь?

– Начальник охраны фирмы «МиМ» – приятель эксперта полиции, который приезжал на место преступления. Так что с информацией проблем нет.

– А что тебе показалось странным? – спросила Ева.

– Многое. Во-первых, дверь... Кто ее открыл? Сам Мартов? Но тогда он должен был знать человека, которого впустил в квартиру. Второе: на теле не обнаружено следов борьбы. Значит, хозяин квартиры не опасался своего гостя, и удар ножом застал его врасплох. Ранение нанесено в грудь – из этого следует, что Мартов стоял лицом к убийце и до последнего момента не ожидал от него ничего плохого.

– Могла это быть женщина?

– Вполне. Главное – попасть в нужное место.

– А если убийца явился под видом слесаря, газовщика или сантехника?

– Не подходит, – сказал Всеслав. – Зачем бы Мартов приглашал его в кабинет? Убийство же произошло в кабинете. Труп с места не сдвигали.

– Может, преступник сам туда вошел?

– Тогда бы хозяин квартиры насторожился и не дал себя зарезать, как рождественскую индейку. По словам Михалина, он был довольно осторожным и никого просто так к себе не подпустил бы.

Ева продолжала задавать вопросы.

– Как насчет ограбления? Из квартиры что-нибудь пропало?

– Мелочи. Часы Мартова и немного денег. Вот тебе третья странность: преступник все переворачивает вверх дном, якобы в поисках денег и ценностей... но не обращает внимания на золотые запонки и булавку, которые лежат на видном месте. Такое впечатление, будто он роется в вещах, вытряхивает ящики и потом впопыхах хватается что попало. Выходит, его кто-то спугнул?

– Или ограбление не было его целью. А весь беспорядок устроен нарочно, чтобы сбить следователя с толку, – с победоносной улыбкой заявила Ева.

Всеслав подавил усмешку. В какие-то моменты Ева поражала его своей наивностью. Впрочем, она может его таким образом дразнить, чтобы потом посмеяться. Он уже попадался на эту уловку.

– Скорее всего убийца был в перчатках, – сказал Смирнов, оставив без внимания ее глубокомысленное заключение. – На улице зима, и перчатки на руках гостя не являются чем-то удивительным. Он вошел, возможно, снял перчатки, проследовал за хозяином в кабинет, ни к чему не прикасаясь, и потом, когда Мартов был уже мертв... снова их надел. А рукоятку ножа просто вытер. Вот и четвертая странность: если он хотел убить хозяина квартиры, то почему не сделал это сразу, еще в прихожей или по дороге в кабинет, например? Скорее всего Мартов шел по коридору впереди, а убийца сзади.

– Значит, он не собирался убивать.

– Зачем же тогда брать с собой нож? – возразил сыщик.

– На всякий случай... А может, он схватил нож в кабинете? Они с Мартовым поссорились, и...

– Михалин заявляет, что у Феликса такого ножа не было. Он не увлекался ни туризмом, ни охотой и пользовался исключительно кухонными ножами. А этот нож должен был лежать на виду, иначе как бы убийца его схватил?

Ева задумалась. Когда она усиленно размышляла, то смешно сдвигала брови.

– Мартов что, жил один? – придя к какому-то выводу, спросила она. – Семья у него была?

– Только родители. Они живут отдельно. Женой и детьми Феликс не обзавелся. У него появлялись женщины, но ненадолго – во всяком случае, так сказали и Михалин, и Гусев. При чем к себе в квартиру Мартов их не водил, снимал номер в гостинице или приглашал их за город, на дачу. У него была дача в Марфине. Кстати! – Всеслав хлопнул себя по лбу и засмеялся. – Надо там побывать! Как я раньше не сообразил?! Хочешь поехать со мной?

– Когда? – расстроилась Ева. – У меня сегодня три занятия подряд, одно за другим. Освобожусь поздно.

– Отложим на завтра. Это не к спеху. О, я упустил еще одну подробность! – вспомнил сыщик. – В квартире убитого обнаружены отпечатки пальцев его самого, Тараса Михалина и еще одного человека. Они повсюду... даже на плафонах люстр.

Глаза Евы расширились.

– На плафонах? – удивилась она и надолго замолчала.

Всеслав налил кофе в две маленькие чашечки, и они с Евой пили его в молчании.

– Домработница! – наконец сказала она, отставляя чашечку. – Я прикасаюсь к плафонам, только когда вытираю с них пыль... а мужчины, наверное, вообще этого не делают, даже во время уборки. Кто вел хозяйство Мартова?

– Думаю, он сам... Во всяком случае, господин Михалин не упоминал ни о какой домработнице.

– А ты его спрашивал?

Глава 4

Костров. Год назад

Тамара Ивановна Зорина посмотрела на себя в зеркало и чуть не заплакала. Разрушительные следы времени ясно читались на ее лице – мешки под глазами, морщины, дряблые щеки, некрасивые складки на шее. Скоро она превратится в старуху, а жизнь проходит мимо.

«Что я видела? – с горечью спрашивала себя Тамара Ивановна. – Молоденькой несмышленной девчонкой выскочила замуж за Зорина, скиталась с ним по глухим гарнизонам, где нельзя было шагу ступить без резиновых сапог, где за окнами дома шумел лес или простирались сопки, а по утрам приходилось топить печки и таскать ведрами воду из колодца. Так пролетела моя молодость! Отцвела, никому не нужная, никем не замеченная... Зорин уже тогда волочился за каждой юбкой, начал попивать. Даже рождение сына его не образумило. Он не стал добиваться, как другие офицеры, перевода в большой город, получения благоустроенной квартиры. Его все устраивало! Крыша над головой была, на еду и выпивку хватало, женщины дарили ему свое внимание... а остальное его не интересовало».

– Теперь он умер, и мне придется остаток жизни провести в Кострове, – прошептала Тамара Ивановна. Слезы потекли по ее щекам.

Она подошла к окну. Нескончаемая метель соединила небо и землю в снежной круговерти, очертания домов и деревьев тонули в мутной, холодной мгле. Так было вчера, так будет завтра, через год, через пять лет... Тяжкая, беспросветная тоска навалилась на Зорину – впору было завывать, зарыдать в голос. Все равно никто не услышит.

На стене равнодушно тикали часы, подаренные покойному мужу бывшими сослуживцами. Ей захотелось запустить в них чем-нибудь, разбить вдребезги... но разве этим остановишь время?

Тамара Ивановна еще немного поплакала, повздыхала, умылась и позвонила Вершининой.

– Ольга Степановна! – стараясь придать голосу бодрость, сказала она. – У вас на сегодняшний вечер какие планы?

– Никаких... – удивилась столь раннему звонку Вершинина.

– Давайте устроим вечеринку! Повеселимся, разведем эту ужасную скуку... Согласны?

Раньше Тамара Ивановна приглашала на вечеринки своих ровесниц, но быстро убедилась, что поступает неправильно. Мужчины томились в обществе немолодых дам, слишком много пили, мало разговаривали, совсем не хотели танцевать и развлекаться. Наевшись и напившись, они зевали, поминутно выходили на улицу курить... словом, искали предлог поблагодарить за «чудесно проведенное время» и распрощаться.

Зорина сообразила, в чем дело, и срочно изменила подход к делу. Она стала приглашать к себе молодых, интересных женщин, устраивать не просто посиделки с выпивкой и закуской, а придумывать какой-нибудь *сюприз* в виде исполнения прелестных старинных романсов, изящных музыкальных пьесок, игры в фанты, шарады или в карты «на желание». Мужчины теперь охотней посещали ее вечеринки, и Тамара Ивановна чувствовала себя хозяйкой маленького уютного салона. Пусть провинциальный Костров – не блистательный Петербург, не шумная Москва, но и здесь можно развлекаться, ощущать себя почти просвещенной аристократкой, наподобие княгини Трубецкой или графини Муравьевой. Они и в далекой Сибири, куда были сосланы их мужья-декабристы, умели интересно проводить время.

Эти мысли тешили госпожу Зорину, проливали бальзам на ее ущемленное самолюбие и давали ей возможность хоть изредка прогонять скуку. Предстоящая вечеринка обещала быть особенно забавной.

– Так вы придете? – переспросила Тамара Ивановна Вершинину, которая еще не дала ответа.

– Я... даже не знаю. А Маша там будет?

– Ну, разумеется! Мария Варламовна – украшение нашего общества. Как же без нее?

– Хорошо, – обрадовалась молодая учительница. – Тогда я обязательно приду. Печенье испечь?

Ольга Степановна пекла очень вкусное печенье с маком, орехами и взбитыми белками – Зорина неоднократно имела возможность в этом убедиться.

– Испечь, испечь! Я вас жду в семь часов вечера, Оленька.

Тамара Ивановна положила трубку и задумалась. Список гостей еще не сложился окончательно в ее уме. Дам будет трое – она сама, Ольга Вершинина и Мария Симанская. А мужчин желательно пригласить на одного-двух больше. Тогда и хозяйке кавалер достанется – поневоле. Странно, но эта мысль совершенно не оскорбила Зорину: она была настолько поглощена вечерним «приемом», что для обид места не осталось.

Несмотря на возмутительную непрактичность покойного супруга, жилье Тамары Ивановны было вполне пристойное, хотя и без особых удобств – половина просторного деревянного дома на двух хозяев. Во второй половине обитала пожилая супружеская пара, с которой у Зориной сложились ровные, спокойные отношения. На зиму старики уезжали к детям, а ключи оставляли соседке. Так что три-четыре месяца в году Тамаре Ивановне вообще никто не мешал.

Ее половина состояла из трех больших комнат с двумя печами, кухни и застекленной веранды. В гостиной стояло коричневое немецкое пианино, диван, старинный овальный стол со стульями, горка с посудой и книжный шкаф. При этом середина комнаты оставалась пустой, так что места хватало и для застолья, и для импровизированных театральных выступлений, и для танцев. Именно здесь госпожа Зорина принимала своих гостей.

Она сидела на диване в глубокой задумчивости. Пора было на что-то решаться. Взвесив все «за» и «против», Тамара Ивановна приступила к делу. Поколебавшись минуту, она набрала номер Герца, владельца костровских бензозаправочных станций.

– Борис Миронович, – зазывно пропела она в трубку. – Мы решили сегодня собраться, скоротать за приятной беседой, за бутылочкой вина ненастный зимний вечер. Не составите ли компанию скучающим дамам?

Герц насторожился. Он умел читать подтекст и понял, что его приглашают без супруги. Что бы это значило? Борис Миронович был наслышан о *вечеринках у Зориной*, как костровское общество окрестило эти собрания, но его до сих пор ни разу не приглашали. Да он и сам не стремился – не его круг. Он уже раскрыл было рот, чтобы вежливо отказаться, но Тамара Ивановна произнесла волшебную фразу.

– Марии Варламовне будет приятно повидаться с бывшим одноклассником!

Герц почувствовал, как у него часто-часто забилось сердце и пересохло во рту. Там будет Маша? Он вспомнил, как мальчишкой прятался за углом магазина, ожидая, когда она выйдет из дому... Маша шла в школу, а он следовал за ней, замирая от счастья. В классе он украдкой смотрел на нее, но сразу отворачивался, если она ловила его взгляд. На школьных вечерах Борис ни разу не решился пригласить ее на танец, хотя мечтал об этом. Он и других девочек не приглашал, но не потому, что стеснялся, а из-за Маши Симанской. Он не сводил с нее глаз, не пропускал ни одного ее жеста, движения, поворота головы... Как он любил ее! Отрочество сменила юность, и любовь стала еще сильнее. А Маша тогда дружила с Андреем Чернышевым, курсантом летного училища, и не обращала внимания на Герца. Он сам понимал, что шансов у него никаких, но ведь сердцу не прикажешь.

– Так вы почтите наше общество своим присутствием? – напомнила о себе Зорина.

– Да, конечно, – против воли вырвалось у Герца. – С удовольствием.

Тамара Ивановна потеряла руки – начало положено, и какое начало! Окрыленная, она набрала следующий номер, майора Морозова, который симпатизировал Ольге. Майор был разведен, и это делало его желанным гостем во многих домах Кострова.

Морозов согласился без лишних уговоров. Он выслушал Зорину и по-военному четко ответил, что будет непременно.

– Может, задержусь на службе, – извиняющимся тоном добавил он. – Опоздаю немного, но все равно приду.

Следующим должен был быть двоюродный брат Ольги – Сергей Вершинин, молодой офицер-связист, недавно прибывший к месту службы. Сергей, как и Ольга, родился в Кострове; здесь, через улицу, жили их родители, и, выучившись, брат и сестра вернулись в родной городок. Через Ольгу Вершинин познакомился с Марией Симанской и сразу в нее влюбился, несмотря на разницу в возрасте. Ей было почти двадцать девять, ему – едва исполнилось двадцать два года.

Этот факт сделал более раннее знакомство невозможным – когда Маша окончила школу и поступила в Псковский институт культуры, Сережа перешел в четвертый класс. Потом она вернулась, а он через пару лет стал курсантом военного училища связи. Так, живя в одном маленьком городе, они до сей поры не встречались. Увидев Машу Симанскую в гостях у сестры, Вершинин потерял голову. Он был молод, хорош собой, и несколько костровских девушек писали ему письма, пока он учился. На одной из них Сергей даже собирался жениться, но знакомство с Машей оказалось для него роковым.

Тамара Ивановна не сомневалась, что Вершинин охотно примет приглашение. Она не ошиблась.

Сергей выслушал ее и пообещал прийти: он отлично знал, что у Зориной раз-два в месяц собирается по вечерам интересная компания и там изредка бывает Маша.

После Сергея Тамара Ивановна позвонила Марии Симанской.

– Машенька, – подавляя волну неприязни, проворковала она. – Что-то меня тоска одолевает. Развлечься хочу! Приходите сегодня вечером к семи часам, как всегда. Получится?

Симанская помолчала, обдумывая предложение. Долгие зимние вечера, когда за окнами метет снег, за печной заслонкой гудит пламя, а на душе кошки скребут, изрядно ей надоели. Мария Варламовна жила вдвоем с матерью в добротном деревянном доме, построенном покойным отцом. У нее были все условия для удачного замужества – жилье, приятная работа, красивая внешность, женихи, да и возраст подоспел, а она – ни в какую. Засела в ее сердце какая-то заноза – и не давала ей покоя. Знай Маша, что собой представляет эта заноза, давно бы выдернула ее с корнем. Увы! Сколько ни думала, сколько себя ни пытала – ничего. Мужчины ей нравились, она с удовольствием проводила с ними время, кокетничала и даже вступала в любовную, интимную связь... но как-то отстраненно, без души. А без души можно быть любовниками, но никак не супругами. Это Маша понимала так ясно, что у нее не возникало соблазна стать наконец замужней дамой. Оттого она и меняла кавалеров, чтобы никому не давать напрасной надежды. Оттого и была то холодна, то капризно-упряма, то зажигала своей пылкостью, то повергала в отчаяние своим равнодушием. Но одно несомненно – что-то в ней привлекало мужчин, причем самых разных возрастов, разных взглядов, разного общественного положения. Словно от нее исходила какая-то необъяснимая власть над ними... которой никто понять не мог, в том числе и она сама.

– Так вы придете, Машенька? – настаивала Зорина.

Мария Симанская должна была стать звездой сегодняшнего вечера, изюминкой, гвоздем программы. Она не могла отказаться. И она не отказалась.

Иногда неведомая сила влечет человека, и ни избежать, ни уклониться от ее зова невозможно. Невинные шалости оборачиваются невероятными последствиями, а веселые развлечения венчает трагический финал. Такова многоликая, непостижимая Жизнь... и обличья ее меняются, подобно дню и ночи.

– Хорошо, я приду, – ответила госпожа Симанская. – Если можно, не одна.

– Ну, разумеется, разумеется, моя дорогая! – чуть не подпрыгнула от восторга Тамара Ивановна. – Какие церемонии?! Берите с собой кого хотите! «Приятный баритон»? – хихикнула она. – Великолепно! Просто замечательно! Покажите же нам наконец вашего таинственного рыцаря!

Зорина ликовала. Вечер обещает быть потрясающим, даже лучше, чем она предполагала. Итак, остался неприглашенным еще один гость... Она немного подумала и решительно набрала служебный номер Андрея Чернышева. Гулять так гулять!

Москва

После разговора с сыщиком Тарасу Михалину захотелось выпить. Вообще-то он не баловался спиртными напитками – сначала это мешало спортивной карьере, а потом он привык к трезвому образу жизни. Правда, в частном бизнесе всевозможные презентации, банкеты, фуршеты и прочие мероприятия требовали обильных возлияний, но Тарас приспособился. Он пил в меру, столько, сколько мог. Трех-четырёх рюмок водки или коньяка ему вполне хватало. После смерти Мартова его потянуло к хмельному забытию.

– Что со мной? – спрашивал себя Тарас. – Неужели я малодушен? Почему я прибегаю к такому презренному способу, как алкогольное опьянение? Я не справляюсь с ситуацией?

Самое нелепое было то, что прилюдно Михалин с возмущением отрицал свою причастность к убийству друга, тогда как втайне принимал на себя львиную долю вины. Ему казалось, будто бы он что-то просмотрел, не сумел чего-то предотвратить. Хотя чужая душа – потемки. Смысл этой избитой фразы только теперь начал доходить до Тараса.

– Разве ты был откровенен с сыщиком? – нашептывала Михалину совесть. – Ведь ты сам нанял его, чтобы он докопался до истины и отыскал убийцу. А разве ты с полной готовностью содействовал ему? Разве ты не скрыл от него нечто важное?

– Кое-что скрыл, – оправдывался Тарас. – Но не главное. Это не имеет отношения к убийству.

– Ты уверен? – не сдавалась совесть. – Не тебе решать, что имеет отношение к гибели Феликса, а что – нет. Ты обратился к профессионалу, пусть он и разбирается. Ты должен рассказать ему все.

– Я рассказал ему все, кроме...

После этих мыслей у Михалина появлялось желание выпить, и побольше. Он боролся с собой, с головой погружаясь в работу. Но как только появлялась свободная минутка, мучительные раздумья возвращались и терзали его с новой силой.

Чтобы отвлечься, Тарас позвонил своей любовнице. Их связь почти прекратилась, и уже пару месяцев они не встречались.

– Не хочешь пойти в баню? – без предисловий спросил он.

– В парную? – обрадовалась Анжела.

Ее отец был сирийцем, и Анжела унаследовала от него смуглый оттенок кожи, огромные глаза с длинными пушистыми ресницами, тонкие, выразительные черты лица. Она поражала своей по-южному броской, яркой красотой, но говорить с ней было сущим наказанием. Красавица была пуста, как тропический плод с выбранной мякотью.

Совсем недавно она вполне устраивала Тараса, и он называл ее *настоящей женщиной* – красивой, пустоголовой и легкомысленной, как бабочка. Михалин считал, что женщина пред-

назначена для постели, любовных утех, рождения и воспитания детей и поддержания уюта в доме. Ожидать от нее философских рассуждений, а тем паче заставлять ее зарабатывать деньги – глупо и бессмысленно. Женщин-интеллектуалок и бизнес-леди он недолюбливал, так же как и женщин-спортсменок. У него было несколько романов с гимнастками, и они оставили после себя привкус горечи и разочарования. Эти целеустремленные дамы с железными мышцами напрочь отбили у него охоту вступать с ними в любовную связь. Их секс походил на нечто среднее между прыжками на батуте и упражнениями на бревне. Ни то ни другое не доставляло Тарасу удовольствия.

Анжела работала косметологом в салоне красоты «Стиль», и это занятие служило ей не столько источником средств существования, сколько способом времяпрепровождения. Она была дочерью обеспеченных родителей и могла позволить себе бездельничать, если бы не ужасающая скука.

Тарас познакомился с Анжелой на презентации одной французской косметической фирмы, и они сразу начали встречаться.

– Тебя не тошнит от ее болтовни? – спрашивал его Феликс. – Она трещит без умолку, как глупая сорока. Я тебя умоляю, никогда не приводи ее с собой!

– Не буду, – без всякой обиды соглашался Тарас.

Они с Мартовым понимали друг друга, уважая не только сходство, но и различие своих взглядов.

Анжела влюбилась в Тараса Михалина с первой встречи – она всегда мечтала о таком мужчине: рослом, сильном красавце, неутомимом в сексуальных играх, да к тому же еще и умеющем зарабатывать. Ленивые плейбои на содержании у обеспеченных дам ее не прельщали. Так же, как изнеженные мальчишки, расфуфыренные, балующиеся наркотиками и проматывающие деньги родителей по ночным клубам и казино. Связываться с бандитами, с братвой Анжела просто боялась. Такие ребята, разъезжающие на дорогих машинах, по малейшему поводу вытаскивали из карманов стволы и «решали проблемы» старым, как мир способом. Они и с женщиной церемониться не станут.

Полукриминальная среда отпугивала Анжелу, в круг знаменитостей она была не вхожа, сыновья богатых папиков вызывали у нее неприязнь своей полной зависимостью, несамостоятельностью. А Тарас Михалин – как раз то, что надо. Главное – он потрясюще красив. Девчонки просто остолбенели, когда он однажды зашел за ней в салон.

Сначала отношения Анжелы и Тараса складывались как нельзя лучше – легко, весело, изящно. Он приглашал ее на речные прогулки, за город, дарил дорогие, изысканные подарки. Свою первую ночь они провели на даче Феликса в Марфине. Так продолжалось около года, а потом... Тараса словно подменили. Он стал каким-то задумчивым, молчаливым. Анжела старалась развеселить его, а он только сильнее хмурился. Они перестали кататься по реке и в Марфино ездили не каждое воскресенье, а когда получится. Анжела с ужасом подумала, что Тарасу становится с ней скучно. Ну, чем они занимаются? Гуляют, едят, пьют, болтают о разной чепухе, занимаются любовью... всегда одно и то же.

Мысль о том, что мужчине придется удерживать, никогда не приходила в ее ветреную головку. Но она слишком привязалась к Тарасу, привыкла к его горячим ласкам, к его галантной, уважительной манере поведения, к его щедрости. Он ничего от нее не требовал, не воспитывал ее, не поучал, ни к чему не принуждал. Их отношения были простыми и приятными... без излишних выкрутасов, без ревности, без взаимных упреков. Они оба знали, чего хотели друг от друга. По крайней мере, они так думали.

– Пригласи меня в театр! – однажды попросила Анжела.

– Куда? – удивился Тарас. – Я не ослышался? Ты хочешь пойти в театр?

– Да, а что тут такого?

– Зачем, позволь спросить? – с неприятной улыбкой поинтересовался он. – Новое платье надеть некуда?

Анжела растерялась. Она не знала, зачем ей нужен театр, где она и получаса выдержать не могла – ее начинало клонить в сон, а челюсти сводило от зевоты. На самом деле она хотела привнести что-то новое в их взаимоотношения, которые, как она чувствовала, дали маленькую, пока невидимую трещину. Но как объяснить это Тарасу?

Она забормотала нечто невразумительное, а он смотрел на нее такими глазами... такими... будто впервые ее увидел. Анжела долго потом вспоминала этот его взгляд и гадала – что же случилось, что между ними произошло?

С тех пор возникшее словно бы ниоткуда отчуждение между ними постепенно росло. Тарас уже не отвечал ей радостно, когда она звонила ему, а разговаривал холодно, иногда скрывая раздражение. Даже его ласки стали другими – из них ушла нежность. Они все еще встречались время от времени, но эти встречи носили характер привычки, от которой сразу не откажешься.

Анжела набралась решимости и устроила Тарасу скандал, который положил конец их связи. Такого она не ожидала – думала, покричит на него, поплачет, он раскается, попросит прощения, и все пойдет по-старому. Но вышло иначе.

Тарас молча ее выслушал, подумал немного и сказал, что Анжела совершенно права – им лучше расстаться.

– Как?! – опешила она. – Почему? Ты больше не любишь меня? Поиграл, и хватит?

– Между нами никогда любви не было, – спокойно, невозмутимо ответил Тарас. – Ну, что это такое? О чем ты говоришь?

Анжела захлопала глазами, из которых брызнули слезы обиды и возмущения. А что же тогда между ними было?

– Какой же ты... козел! – выкрикнула она, зеленея от злости. – Скотина! Животное! Убирайся...

Тарас молча повернулся и пошел прочь, слыша за спиной ее оглушительные рыдания. Ему нечем было утешить ее. Он действительно не понимал, что с ним происходит.

На следующий день Анжела пожалела о своих словах и позвонила ему.

– Давай начнем все с начала, – предложила она после долгих слезливых извинений.

Ее фразы и выражения были такими же незатейливыми, как и она сама. Тарас не ощутил никакого толчка в сердце, никакого импульса при звуках ее голоса.

– Нам стоит отдохнуть друг от друга, – сказал он, оставляя себе свободу для маневра.

Вдруг ему захочется возобновить отношения с Анжелой? Она такая красивая, такая сексуальная. Впервые оба этих столь ценимые им в женщине качества показались Тарасу пустыми, малозначащими.

Смерть Феликса дала Анжеле повод позвонить, потом приехать. Она хотела участвовать в похоронах.

– До меня дошли ужасные слухи! – прошептала она Тарасу на ухо, обжигая его своим дыханием.

Раньше бы он сразу возбудился, потянулся к ее груди, губам. А сейчас не почувствовал ничего, кроме неловкости.

– Неподходящее время для нежностей, – сухо сказал он, отстраняясь.

– Я в это не верю! – воскликнула Анжела. – Ну... что ты убил Феликса. Вернее, заказал его. Ты же умный, ты бы сделал все по-другому.

– Дура! – в сердцах бросил Михалин, недоумевая, что могло связывать его с этой женщиной.

На похоронах они не подходили друг к другу. Анжела была сказочно красива в черном манто из крашеной норки, в траурной шляпе с полями, из-под которых она кидала на Тараса укоризненные взгляды.

И вот прошли одиннадцать дней... Он не выдержал и позвонил ей. Она откровенно обрадовалась, заворковала как голубка. Конечно, она придет! Она обожает парную баню!

– Только не бери с собой нож, милый, – плоско пошутила Анжела. – А то я буду бояться.

Тарас хотел бросить трубку, но сдержался и медленно, аккуратно положил ее.

Глава 5

Москва

Смирнов начал изучать окружение Феликса Мартова и все больше убеждался, что убийство не связано ни с коммерческой деятельностью покойного, ни с ограблением. Круг друзей и знакомых Мартова только казался широким – бывшие сокурсники по университету, бывшие коллеги-телевизионщики, партнеры по бизнесу, а на самом деле Феликс жил замкнуто и никого к себе не подпускал. Кроме Михалина.

То же подтвердили и его родители.

– Феликс был таким с детства, – вытирая слезы, говорила его мама, Анастасия Юрьевна Мартова. – Если собиралась компания, он всех заводил, веселил. А потом ребята уходили, и он садился за уроки или что-нибудь читал, писал стихи. Он дружил со всеми одноклассниками, со всеми соседскими детьми – и ни с кем особенно близко. Так же и в университете было – Феликса все любили, считали душой курса, но сам он сблизился только с Тарасом Михалиным. Правда, тогда из этой дружбы ничего не получилось. Тарас серьезно занимался спортом, без конца был занят на тренировках, куда-то ездил... а потом Феликс бросил учебу. Так они и разошлись.

Мартовы жили в небольшой, уютной квартире, полной старинных вещей: книжных шкафов, этажерок, диванов, абажуров, столиков, портретов и фотографий в рамках. Одну комнату занимал рабочий кабинет профессора Лаврентия Васильевича, а другая служила гостиной и спальней одновременно. Здесь, за круглым столом, накрытым к чаю, Смирнов и беседовал с Мартовыми.

Анастасия Юрьевна была еще очень слаба, но настояла на разговоре с сыщиком. Пусть ищет убийцу Феликса, а они ему помогут.

– А как у вашего сына складывались отношения с женщинами? – спросил Всеслав после того, как просмотрел два семейных альбома Мартовых.

Почти на всех фотографиях Феликс был снят либо один, либо в окружении друзей. Групповые фото преобладали. Несколько снимков сыщик отложил в сторону – на них Феликс обнимался с тоненькой черноволосой девушкой.

– Это Катя, – пояснила Анастасия Юрьевна. – Они с Феликсом любили друг друга. Катя жила во Франции, в Дижоне, кажется... Она была русской по материнской линии, собиралась приехать в Москву, в Россию... на родину своих предков. Не сложилось...

– Катя погибла в Газе, во время съемок какого-то репортажа, – вмешался профессор Мартов. – Феликс так и не смог ее забыть. Другие женщины? Наверное, кто-то появлялся в его жизни... природа брала свое. Но такой, как Катя, он не встретил. Теперь уже и не встретит.

Лаврентий Васильевич отвернулся, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы.

– Они собирались пожениться? – уточнил Всеслав.

– Не знаю, – вздохнул профессор.

– Мы не знаем... – эхом повторила его жена. – Феликс не любил вспоминать об этом, никогда ничего не рассказывал – никаких подробностей. Ему было слишком больно.

– А кто может рассказать о тех событиях?

– Разве это имеет отношение к смерти нашего сына? – недоуменно поднял брови Лаврентий Васильевич.

– Иногда любая мелочь оказывается полезной, – уклончиво ответил Смирнов. – Я хочу знать как можно больше о Феликсе, его привычках, характере, увлечениях. Для полноты картины необходимо все, каждая деталь.

Мартовы задумались.

– Пожалуй, поговорите с Евгением Новацким, – сказал наконец профессор. – Он ездил тогда вместе с Феликсом, работал оператором телевизионного агентства. Мы познакомились на похоронах. Женя приходил попрощаться с нашим сыном... обещал помощь в случае чего, телефон свой оставил.

Лаврентий Васильевич сходил в кабинет и принес визитку Новацкого.

– Вот, запишите телефон, адрес.

От Мартовых сыщик отправился на встречу с бывшим оператором, который ныне возглавлял информационный отдел одного из телевизионных каналов. По-видимому, и карьера, и личная жизнь Новацкого складывались удачно, потому что он находился в прекрасном расположении духа и охотно согласился поговорить со Смирновым. Его не удивило, что частный детектив хочет узнать кое-какие подробности о Феликсе Мартове.

– Подъезжайте в бар «Червовый король», – предложил Евгений Владимирович. – Я вас угощу настоящим немецким пивом.

В подвальном помещении бара со сводчатым потолком, тяжеловесной деревянной мебелью пахло горячими сосисками и дымом. Несколько посетителей занимали столик у окна, наполовину заметенного снегом; они курили и громко смеялись. Новацкий – вальяжный, дородный мужчина в костюме и галстуке, сразу бросился Всеславу в глаза. Он стоял у стойки и разговаривал с барменом, поглядывая на двери.

Смирнов сделал приветственный жест рукой. Бывший оператор сейчас же подошел, поздоровался.

– Как вы меня узнали? – с улыбкой спросил он. – Наверное, по одежде. Дедуктивный метод! – Он засмеялся. – Прошу.

На столике у стены, рядом с огромным подсвечником, стояли две кружки с пивом, тарелка дымящихся сосисок и несколько салатников с овощными салатами.

– Люблю поесть! – усаживаясь, сказал Новацкий. – Аппетит – враг мой! Он порядком попортил мне фигуру. Итак, угощайтесь... вам можно.

Всеслав попробовал пиво.

– Холодное, – сказал он, чтобы поддержать разговор. – С интересным привкусом.

– Здесь первоклассные напитки и отличная кухня, – кивнул Новацкий. – Поэтому я стараюсь пореже сюда заходить. Вы кушайте и спрашивайте, господин Смирнов, – наше время ограничено. Через час я вынужден буду вас покинуть. Дела.

Он отпил пива и бросил плотоядный взгляд на сосиски.

– Расскажите о вашей поездке с Мартовым на Ближний Восток, – попросил сыщик.

– Что именно?

– Все, что показалось вам необычным, запомнилось.

– Такие поездки вообще обычными не назовешь, – задумчиво произнес Новацкий, мысленно возвращаясь к тем давним событиям. – Мы плохо представляли себе, чем это может кончиться. Молодость безрассудна... Нам хотелось стать героями, получить какие-то невероятные впечатления! Глупо ужасно. Там была не только наша команда, но и много зарубежных репортеров. У Феликса завязался роман с французской журналисткой Катей Жордан, они буквально не расставались. Катя захотела снять репортаж в зоне палестинско-израильского конфликта, она лезла в самое пекло... ну а мы, как настоящие мужчины, старались не отставать. Страх не было, он появился потом, когда Катя погибла. Мы поняли, что пули и осколки – не игрушечные, что они убивают по-настоящему, насмерть.

– Как это случилось?

– Не во время перестрелки, – нахмурился Евгений Владимирович. – Взорвалась заложенная террористами бомба рядом со зданием, где проживали журналисты. Катю ранило осколком, случайно. Она как раз вышла, чтобы... впрочем, точно не вспомню. Какая разница, зачем она вышла? Осколок попал ей в грудь. Феликс пытался довести ее до госпиталя Красного Креста – не успел. Большая потеря крови, и она умерла по дороге в нашей машине. Он тогда чуть с ума не сошел, винил во всем себя.

– Почему?

– Мы с ним сидели в комнате, которая выходила окнами на другую сторону, просматривали пленку... и вдруг – взрыв! Он будто почувствовал плохое, сразу вскочил и помчался к выходу, я побежал за ним. Бомба была не очень мощная, почти никто не пострадал, кроме Кати и двух случайных прохожих. Судьба... Я пытался объяснить Феликсу, что никто не виноват. Но он и слушать не хотел. Только твердил, что должен был быть рядом с ней.

– А что потом было, после смерти Кати?

– Потом? – Новацкий наморщил лоб. – Ничего. Он взял себе пару ее вещей на память – фотографии, еще какие-то мелочи. Тело Кати увезли во Францию, там и похоронили. Феликсу даже не сообщили, где, хотя он просил об этом. Мы вернулись в Москву. Все.

– После этого вы с Феликсом продолжали поддерживать отношения?

– Нет. Наверное, он старался справиться со своим горем, забыть... а я невольно напоминал бы ему о том, что произошло. Мы разошлись, и если встречались, то случайно.

– Откуда вы узнали о смерти Мартова? – спросил Всеслав.

– Я работаю в информационном отделе.

– Понятно. А почему решили пойти на похороны?

– Захотелось проводить Феликса в последний путь. Все-таки мы много пережили вместе. Ну, и старикам помочь, если нужно. Но Феликс, оказывается, успешно занимался бизнесом, прилично зарабатывал, так что им теперь до смерти хватит. И похороны были устроены по высшему разряду, все как положено. Его партнер, Михалин, известный в прошлом спортсмен, гимнаст, – совестливый мужик, он стариков не обидит. Я в людях разбираюсь.

– Вы когда-нибудь бывали у Мартова в гостях, в его московской квартире или на даче? Новацкий отрицательно покачал головой.

– Нет. Я же говорил, мы после той поездки разошлись, выпустили друг друга из виду. Даже не перезванивались. Для меня стало новостью, что Феликс ушел в бизнес, основал фирму, хорошо продвинулся. Странно... у него ведь была писательская жилка...

Евгений Владимирович посмотрел на часы. Он торопился.

– Я могу к вам обратиться, если у меня возникнут еще вопросы? – спросил Смирнов.

– Разумеется. Вот моя визитка.

Сыщик сунул серебристую визитную карточку в карман, поблагодарил.

После разговора с Новацким он заехал за Евой. Они собирались посетить дачу Феликса в Марфине. Тарас сказал, что дом еще опечатан, но внутрь можно проникнуть через чердак или через окно на первом этаже.

– Собственно, дача хоть и оформлена на Мартова, но строилась на средства фирмы и принадлежала нам обоим, – объяснил он. – Феликс был педантом, а я мог забыть ключи, поэтому решетка на втором правом от двери окне сделана с секретом, чтобы такой разгильдяй, как я, мог попасть в дом без ключа. Кстати, не понимаю, что вы собираетесь там искать... Феликс дачей практически не пользовался.

Костров. Год назад

Мария Варламовна надела на вечеринку у Зориной свое любимое платье – черное, приталенное, с красными розами по подолу и у глубокого треугольного выреза. Волосы убрала,

как всегда, – зачесала назад, связала в узел и выпустила свисать пышный волнистый хвост. Получилось удачно. Из украшений выбрала старинный александритовый набор, оставшийся от бабушки, – ожерелье, серьги, перстень и браслет. Зеленый цвет этих камней при искусственном освещении становился фиолетово-красным.

Она стояла у зеркала, подкрашивая губы, когда вошла мама.

Татьяна Савельевна Симанская любила свою дочь, которая олицетворяла для нее все, чего она сама была лишена. Маша внешностью пошла в отца, такая же статная, с гармонично развитыми формами, гладкой кожей и пышными, чуть вьющимися волосами. Девочке удалось дать музыкальное образование, о чем мечтала Татьяна Савельевна, – она могла сесть за пианино, сыграть вальс или печальный ноктюрн, спеть что-нибудь: романтическую балладу или задушевный романс. Впрочем, ни петь, ни играть Маша не любила и делала это исключительно редко. Зато как! Любой, кому посчастливилось при этом присутствовать, запоминал ее выступление надолго.

Сама Татьяна Савельевна всю жизнь проработала лаборанткой в костровской поликлинике, а теперь вышла на пенсию и решила остаток своих дней посвятить дочери. Муж был намного старше ее, он умер восемь лет назад, когда Машеньке исполнилось двадцать. Татьяна Савельевна поплакала, но отнеслась к этому с пониманием – Варлам был старше ее, имел слабое здоровье: простудился, разъезжая на лошади в стужу и метель по окрестным деревням. Он был хорошим врачом и никому не мог отказать в помощи.

Маша стала единственной отрадой Татьяны Савельевны, которая боготворила ее. Мужчины начали оказывать внимание ее девочке со школьной скамьи. Когда Маша окончила институт и вернулась в Костров, женихи сменяли один другого. Она могла выбрать любого, но отчего-то медлила. Недавно она познакомилась с ученым из Санкт-Петербурга – он приехал в их городок что-то изучать, писать диссертацию.

– Куда ты собралась? – спросила Татьяна Савельевна, любуясь дочерью. – Опять я весь вечер буду сидеть одна?

– Посмотри телевизор...

– Надоел мне этот телевизор, – вздохнула Татьяна Савельевна.

Она говорила это не всерьез, на самом деле радуясь за Машу, что та наряжается, красится, собирается куда-то идти развлекаться. Все правильно – молодым веселье, а старикам покой.

– Руслан зайдет за тобой? – спросила Татьяна Савельевна, имея в виду нового кавалера дочери Руслана Талеева, того самого ученого из Санкт-Петербурга.

– Обязательно. Да вот и он, кажется...

Звонок в дверь заставил Симанскую-старшую поспешить на веранду, чтобы впустить молодого человека в дом.

По капризу судьбы первой с Талеевым познакомилась именно она. Татьяна Савельевна в зимних сумерках возвращалась домой, несла полную сумку продуктов... поскользнулась и упала. Она плохо видела без очков, фонари не горели, прохожих рядом не было, чтобы помочь ей подняться. И вдруг, откуда ни возьмись, возник перед нею молодой представительный мужчина, наклонился, спросил участливо:

– Что с вами? Вам плохо?

Она только захлопала близорукими глазами.

Мужчина помог ей встать, поднял ее сумку, собрал рассыпавшиеся продукты. Пошел рядом, крепко держа Татьяну Савельевну под руку.

– Спасибо... я сама, – робко пробормотала она.

– Нет уж! – весело возразил незнакомец. – Я доставлю вас домой в целости и сохранности. Вы далеко живете?

– Тут, рядом...

Она, конечно же, пригласила его выпить чаю, согреться. Мужчина долго отказывался, но Татьяна Савельевна не отступала. Вежливый прохожий произвел на нее хорошее впечатление.

– Вы ведь не из Кострова? – спросила Симанская, когда они сели-таки пить чай с крыжовенным вареньем. – Приезжий?

– Как вы догадались?

– У нас городок маленький, все на виду.

Слово за слово, они разговорились, познакомились поближе. Оказалось, Руслан Кириллович живет и работает в Питере, а в Костров приехал заканчивать диссертацию.

– Место тихое, как раз подходящее, чтобы засесть за материалы и писать, писать... Я снимаю комнату на Речной улице. Хорошо тут у вас!

– Вы по какой науке? – поинтересовалась Татьяна Савельевна. – Что изучаете?

– Особенности культуры древних славян. Псковская область в этом плане весьма примечательна.

– Женаты, поди? Детишки уже есть?

Она с замиранием сердца ждала ответа.

– Да нет, не успел пока семьей обзавестись, – усмехнулся ученый. – Все недосуг. Работы много. Вот получу докторскую степень, тогда и начну невесту искать.

«Вот бы такого жениха моей Маше! – подумала Татьяна Савельевна, прикидывая, как бы задержать гостя подольше. – Женился бы он на ней, увез в Петербург. Какая у нее жизнь в этой глухомани?»

Руслан Кириллович пил чай, нахваливал варенье, охотно поддерживал разговор... и дождался Машу. Татьяна Савельевна удовлетворенно вздохнула, заметив, как у него загорелись глаза.

– Однако засиделся я у вас, – с сожалением сказал гость, взглянув на часы. – Пора и честь знать.

Он тепло распрощался с Симанскими, у самой двери задержался, поцеловал Маше руку и все не отпускал ее, глядя на девушку потемневшими, горячими глазами.

– Вы приходите к нам, Руслан, – накинув на себя платок и выйдя на крыльцо, сказала Татьяна Савельевна. – Чаю попить, побеседовать. Зима в Кострове лютая, снежная... скука одолеет у печки-то сидеть.

Талеев два дня не показывался, заставил Симанскую-старшую поволноваться. А на третий день – пришел, принес торт и бутылку шампанского, отметить знакомство.

– Никуда ты не денешься, голубчик! – с облегчением шептала себе под нос, крестясь, Татьяна Савельевна. – Маша тебя присушила, я сразу поняла. Это ты для форсу паузу выдерживал, потому что городской, балованный. Ничего, мил человек, будет и на нашей улице праздник!

Руслан начал ухаживать за Машей, она принимала его знаки внимания как должное, слегка снисходительно. Постепенно их отношения становились все более тесными...

Второй настойчивый звонок в дверь вырвал Симанскую-старшую из приятных воспоминаний.

– Ах ты, батюшки! – воскликнула она, ускоряя шаг. – Да что ж я замечталась!

Она, не глядя, распахнула дверь, приготовившись приветствовать как всегда галантного, благоухающего дорогим одеколоном Руслана... На крыльце весь в снегу стоял Андрей Чернышев, в новенькой летной куртке с майорскими погонами на широких плечах.

Татьяна Савельевна ахнула и попятилась.

– Маша дома? – спросил Чернышев, без приглашения переступая порог. – Я пришел за ней.

Вопиющая бестактность явиться вот так, без предупреждения, без приглашения... свалиться как снег на голову, да еще в такой неподходящий момент. Вот-вот придет Руслан. Что он подумает?

– Маша! – попыталась она крикнуть севшим от волнения голосом. – Маша! К тебе пришли...

Ноги Татьяны Савельевны подкосились, и она едва не рухнула на руки Чернышева. Как это на него похоже – неотесанность, мужланство, солдафонщина! – не сделать ни малейшего движения навстречу, не поддержать женщину, которой внезапно стало дурно. Симанская, задыхаясь от негодования, с трудом удержала равновесие.

– Андрей? Какими судьбами? – удивленно спросила Маша, выходя на веранду.

– Ты уже готова? – просиял он, делая шаг вперед. – Тамара Ивановна пригласила нас на вечеринку. Вернее, она сказала, что ты тоже придешь. Я решил зайти за тобой – на улице скользко, метет, как у черта в преисподней. Надеюсь, ты не против?

– Я... разумеется, нет. А разве...

– Как служба, Андрюша? – наконец взяла себя в руки Татьяна Савельевна и кинулась на выручку дочери. – Скоро генералом станешь?

– Наверное, не очень, – улыбнулся Чернышев.

– Да ты проходи в дом-то, чего на веранде топтаться? Видишь, Машенька еще не обулась, не оделась? Я тебя пока чаем напою.

Она старательно моргала одним глазом, делая Маше какие-то знаки. Та явно не понимала.

– Спасибо, Татьяна Савельевна, я не буду, – отказывался Андрей. – Мы в гости идем. Я помогу Маше одеться?

Он снял шапку и оглянулся в поисках то ли вешалки, то ли Машиной шубки.

– Идем-идем, – схватила его под руку и потянула Симанская-старшая. – Негоже пожилого человека обижать отказом.

Она все зыркала по окнам веранды на улицу – не идет ли Руслан? Но стекла покрылись белыми морозными узорами, ничего не углядишь. Чернышев шутя отбивался, не желая поддаваться на уговоры Татьяны Савельевны. Ему не хотелось уходить от Маши – только увидев ее так близко впервые за несколько месяцев, он понял, что по-прежнему любит ее. Так же безрассудно, безнадежно, как в юности. Он и не переставал любить ее, напрасно обманывая себя. Она похорошела за те годы, что он учился, а потом служил в Забайкалье, упорно добиваясь перевода в костровскую летную часть. По ночам ему снилась липовая аллея, где в тени старых деревьев они с Машей прятались от всего мира и целовались... Он помнил сладкий, горячий вкус ее губ, изгиб ее талии, округлости ее груди. Их первая близость ошеломила Чернышева, погрузила его в такую бездну ощущений, о которых он и не подозревал. Он вообще не ожидал в Маше – строгой, с виду неприступной, – такой откровенной чувственности, жадного, изощренного секса на грани непристойности. Он бредил этими мгновениями и не мог ничем изгнать, вытравить их из сердца. А она охладела так же внезапно, как и загорелась. Были другие девушки, женщины – уже потом, когда Маша написала, что не сможет приехать к нему на выпуск, и предложила остаться друзьями. Она сама порвала с ним!

Была невыносимая горечь, обида, помутившая разум. Было желание бежать от Маши прочь, никогда больше не видеть ее, не слышать ее голоса. Слава богу, он хотя бы не женился ей назло, чтобы отомстить! Какая глупость... Какой жалкий, нелепый вышел бы поступок! А теперь у него есть шанс.

Звонок в дверь заставил всех повернуться на его пронзительный, резкий звук. Татьяна Савельевна с испуганным вздохом отпустила мокрый от растаявшего снега рукав куртки Чернышева. Маша, ни на кого не глядя, подошла к двери, открыла.

– Добрый вечер, – радостно произнес Руслан, переступая порог и натываясь взглядом на майора. – Машенька... я за тобой.

Глава 6

Подмосковье. Марфино

– Ничего себе, дачка! – воскликнула Ева, выходя из машины и оглядываясь по сторонам. – Это же дворец Синей Бороды!

Дом и в самом деле выглядел зловеще – две остроконечные башенки по углам, узкие окна с конусообразными закруглениями вверху, выступающая вперед четырехгранная часть фасада, ступенчатая крыша – нечто среднее между мрачной готикой и тяжеловесным романским стилем.

– Странный проект для загородного коттеджа, – задумчиво произнес Всеслав. – А при чем тут Синяя Борода?

– Как же?! Он убивал своих жен, а потом... Что он с ними делал потом? Закапывал во дворе? Топил во рву с водой? Или замуровывал в подвале?

– Ева, уймись, – улыбнулся сыщик. – Не нагнетай страсти. Просто у людей необычный вкус. Рва тут никакого нет, как видишь.

– Зато подвал точно есть!

– Полный мертвецов... – подыгрывая ей, прошептал Смирнов. – Ночью дом кишит привидениями. А днем... в нем раздаются приглушенные вопли и стенания бедных жертв.

– Прекрати! – возмутилась Ева, ощущая в груди холодок страха. – Между прочим, вполне вероятно!

– А кто спорит?

Дом стоял посреди большого пустынного двора, окруженного забором из металлической сетки. Ворота были закрыты на замок. Возможно, в ясную солнечную погоду здесь было красиво, но в этот пасмурный зимний полдень пейзаж поражал унынием. Белые сугробы, белая равнина с виднеющимися кое-где низкорослыми деревцами простиралась вправо до самого горизонта. Сзади она упиралась в серую от снежной мглы кромку леса, слева тянулись редкие, такие же неухоженные дома.

С низко нависшего неба непрерывно сыпалась мелкая крупа. Дорогу в эту сторону дачного поселка замело, и машина Смирнова не раз буксовала, чудом вырываясь из снежного плена.

– Если мы застрянем, нас никто не вытащит! – паниковала Ева, с ужасом оглядываясь вокруг.

– Как-нибудь выберемся, – спокойно отвечал Славка. – Наверняка тут полно бродячих собак. Запряжем их, и вперед! Вообще люди совершенно напрасно отказались от такого незаменимого вида транспорта, как собачьи упряжки. На проселочных дорогах зимой это было бы то, что надо.

Ева улыбалась, и они ехали дальше. Дачу Феликса Мартова отыскивали не без труда, но их усилия были вознаграждены.

– Мы сможем согреться в доме? – спросила Ева, глядя, как сыщик отпирает ворота. – Там печка хоть есть?

– Камин, – ответил Всеслав. – Видишь, труба на крыше? Черт! Замок застыл на морозе, не открывается.

Михалин дал ему все ключи и предоставил полную свободу действий.

– Делайте, что хотите, только не спалите дом, – попросил Тарас. – Мне еще неприятностей с полицией не хватало. Опять будут валить все грехи на меня, скажут, улики уничтожаю. Они, правда, дачу обыскали, но ничего не нашли.

Смирнов понятия не имел, зачем они с Евой сюда приехали, что собираются обнаружить, но... порядок есть порядок. Убитый здесь бывал? Бывал. Хотя, если верить Михалину, редко. Ну и что? Можно один раз приехать и...

– А что мы будем искать? – сбила его с мысли Ева. Она засунула руки в карманы куртки и переминалась с ноги на ногу от холода. – Открывай быстрее, я окоченела вся!

– Надо было теплее одеваться, – невозмутимо произнес он. – И не задавай глупых вопросов. Неужели непонятно, что мы будем искать? Трупы зверски убитых жен Синей Бороды, разумеется. Что же еще?

– Разве Мартов был женат? – удивилась она. – Ты же сам говорил...

– Мало ли что я говорил? Синяя Борода не так-то прост. Он тайно вступал в брак, а потом тайно избавлялся он надоевших ему женщин.

Ева промолчала. У нее зуб на зуб не попадал, так она замерзла. Ей было не до шуток.

Всеслав наконец справился с замком и открыл ворота.

– Машину во двор не загонишь, – ворчал он. – Снега много.

Они подошли к дверям дома – печати не было. Может, сорвало ветром, унесло, замело... Кому тут ее снимать? Дверь, в отличие от ворот, поддалась легко, чуть скрипнув, отворилась внутрь...

– Не пришлось через окно лезть! – обрадовался сыщик. – Проходи в каминный зал, будем разжигать огонь. Прежде всего согреемся.

Внутри дом был так же мрачен, как и снаружи, – окна пропускали мало света, на стенах висели сумрачные гобелены со сценами псовой охоты, оленьи рога, кованые подсвечники с оплывшими свечами. «Каминный зал» представлял собой большую неуютную комнату, в которой, кроме нескольких кожаных диванов и тяжеловесного буфета, не было никакой мебели. В буфете за стеклом стояли всевозможные бутылки с выпивкой – джин, коньяк, ром, виски, водка; на полу у камина кучей лежали дрова.

Пока Славка разводил огонь, Ева обошла все комнаты первого этажа. Они походили одна на другую – те же гобелены, те же неуклюжие шкафы из темного дерева, массивные диваны, те же пыльные шторы на окнах. По-видимому, дом строился и обставлялся без женской руки. На второй этаж вела крутая деревянная лестница, но Ева не рискнула туда подняться. Дом наводил на нее безотчетную тревогу. Его угрюмые стены придавали пространству комнат какой-то тусклый оттенок. Повсюду пахло сыростью и чуть ли не плесенью. После обыска, устроенного криминалистами, вещи находились в беспорядке, но сей факт не бросался в глаза. Потому что разбрасывать было почти нечего – немного посуды, немного белья, немного книг, кое-какая одежда. Дом предназначался не для проживания, сюда приезжали с иными целями – развлечься, подышать свежим загородным воздухом, переночевать и уехать.

– Ева! – позвал Смирнов, и она почувствовала, как из «каминного зала» потянуло березовым дымком. – Иди, выпьем чего-нибудь из запасов Синей Бороды.

Камин разгорелся, веселое пламя жадно лизало дрова. Ева подошла поближе, взяла у Славки рюмку с коньяком, заставила себя выпить.

– Не отравлено? – запоздало спросила она.

– Сейчас узнаешь.

– Ну и шутки у тебя! – Ева поежилась. – Жутковатое местечко...

Коньяк подействовал. Тревога Евы улеглась, она начала согреваться. От огня шел приятный жар.

– Сюда не часто приезжали, – сказал сыщик. – Во всяком случае, этой зимой. Обошла дом?

– Не весь. Только первый этаж. Здесь бродят тени неразделенной любви...

– Правда? – поднял брови Смирнов. – А как же насчет теней убитых жен Синей Бороды? Кстати, он вполне мог расчленивать их трупы и сжигать в камине.

– Хватит! – рассердилась Ева. Она терпеть не могла, когда Славка посмеивался над ее романтическими мыслями. – Ты собирався что-то здесь искать? Так иди, займись делом, а я тут посижу у огня, подумаю.

Смирнов начал методично обыскивать комнату за комнатой, но ничего заслуживающего внимания не попадалось. Через полтора часа он заглянул в «каминный зал». Ева мирно посапывала, свернувшись калачиком на одном из диванов. Она была очень красива – пышные русые волосы рассыпались, щеки покраснелись, одна рука лежала под головой, а другая свисала вниз. Какие у Евы тонкие, изящные запястья, длинные пальцы... Он на цыпочках подошел к камину, поворошил угли, добавил поленьев. *Тени неразделенной любви!* Такое могла придумать только Ева.

Всеслав немного посидел у огня, размышляя о Мартове, и поднялся на второй этаж. Здесь располагались в ряд несколько спален, нечто наподобие кабинета или библиотеки, вторая ванная комната и туалет. Он зашел в ванную, открыл кран – воды не было. Во дворе находился колодец, откуда насосы качали воду в дом. Придется их включать. Интересно, электричество здесь подается без перебоев? Судя по обилию свечных огарков, далеко не всегда.

Обыскав второй этаж с тем же результатом, что и первый, Смирнов подошел к окну кабинета-библиотеки, приоткрыл жалюзи и выглянул во двор. Снег продолжал идти – покрупнее, чем утром, гуще; ветер усилился. Если так пойдет и дальше, они не смогут выехать, придется оставаться на ночь в доме Синей Бороды. Он усмехнулся. Ева дала весьма подходящее прозвище этому загородному коттеджу...

Сыщик со вздохом вернулся к столу, опустился в низкое, громоздкое кресло. Оставалось обыскать подвал, но спускаться туда, в промерзшие бетонные помещения под домом, лазать среди пыли и паутины ужасно не хотелось. Бр-рр-ррр... Славку аж передернуло, когда он представил себе это «приятное развлечение».

На полке с книгами за стеклом стояла фотография Кати Жордан в рамке из поделочного камня – он узнал девушку по тем любительским снимкам, которые показывали ему родители Мартова. Погибшая журналистка улыбалась, но глаза ее оставались печальными.

– Это она?

Смирнов вздрогнул и повернулся. В дверях кабинета стояла сонная Ева.

– Я тебя зову, зову! Ты что, уснул? – возмущалась она. – Дрова перегорели, я замерзла и хочу есть. Ты все закончил? Когда мы поедем домой?

Она, как всегда, задавала множество вопросов, не дожидаясь ответа хотя бы на один.

– Боюсь, нам предстоит романтическая ночь в этом чудесном доме, – мягко произнес сыщик. – Снегопад отрезал нас от цивилизованного мира, дорогая.

Ева его не слушала. Она как замороженная уставилась на портрет Кати.

– Почему она здесь? Это ведь та девушка, которая... которую любил Мартов?

– Ты потрясающе догадлива, Ева.

– Красивая... но слишком худая. И глаза грустные. Тебе не кажется странным, что здесь стоит ее фото? Михалин говорил тебе, будто бы его друг в Марфино почти не ездил, а...

– Не кажется, – перебил ее Всеслав. – Меня волнует другое. Снег идет!

– Зимой всегда идет снег, – отмахнулась Ева, доставая с полки фотографию. – О, я знаю! Феликс убил Катю, а про осколок все выдумал. А потом... неизвестный мститель выследил его и тоже убил. Она ведь француженка? Во Франции еще не перевелись настоящие рыцари!

– погоди, – остановил ее сыщик. – Не болтай чепуху. Во-первых, есть свидетели гибели девушки, а во-вторых, зачем Мартову ее убивать?

– Ревность, например! Или какие-нибудь журналистские тайны! Он убил госпожу Жордан, завладел кассетами или дискетами с информацией, увез все это в Москву, но до него добрались... и прикончили. Квартиру перевернули вверх дном и почти ничего не взяли, ты же сам удивлялся. Значит, искали похищенные у Кати...

– Ева, Ева! Не увлекайся. Прошли годы, а любая информация в наше время устаревает очень быстро, становится неактуальной.

– Ну, это смотря какая.

– Согласен, – сдался Всеслав. Спорить с женщиной – все равно что носить воду решетом, занятие утомительное и бесполезное. – Ладно. Обсудим это позже. Сейчас я хочу пойти расчистить снег, открыть гараж и загнать туда машину.

Глаза Евы широко раскрылись, из них мгновенно улетучились остатки сна.

– Ка-а-ак? Разве мы не едем домой? Я здесь не останусь! Воды нет, еды тоже... холодно, как в казематах.

– Выбирай – ночевать здесь, или посреди дороги, – предложил Смирнов. – Посмотри, какая метель. Мы не проедем. У нас не джип, а обыкновенная легковушка. Она сюда еле добралась, и то потому, что дорогу успели укатать!

Ночевка в доме, даже таком, как этот, показалась Еве предпочтительнее, нежели необходимость дожидаться утра в застрявшей в снегу машине. Она спустилась в «каминный зал», а Смирнов отправился во двор разгрести снег, открывать гараж.

Когда он закончил, совсем стемнело. Безлунная снежная мгла поглотила все вокруг. Через пару часов метель зализала следы пребывания здесь людей и автомобиля.

Костров. Год назад

Зорина хлопотала на кухне, болтая с Ольгой Вершининой.

– Хорошо, что вы пришли первой, – лицемерно улыбалась Тамара Ивановна. – Мы с вами сейчас стол накроем. Поможете?

– Конечно, – смутилась Вершинина.

Она чувствовала себя напряженно, не понимая причины. Громкий стук в дверь помешал ей отнести в гостиную стопку тарелок, приготовленных Тамарой Ивановной.

– Пойду, открою, – пробормотала Ольга, почему-то ощущая в груди неприятный холодок.

Чужие замки не хотели слушаться, и ей пришлось повозиться. Через порог, весь в снегу, шагнул Сергей.

– Ты?!

– Я. А что тебя удивляет? – спросил он, отряхиваясь. – Не ожидала?

– Проходи в гостиную, – отвела глаза Вершинина.

То, что Зорина пригласила в гости ее двоюродного брата и Машу, сразу ей не понравилось. Был в этом какой-то подвох, недобрый умысел. Маша наверняка придет не одна, и... Ольге не хотелось представлять дальнейшее развитие событий.

Герц и майор Морозов явились одновременно. Ольге пришлось занимать мужчин разговорами. Беседа не клеилась. Гости были мало знакомы друг с другом, присматривались, вели себя скованно. Зорина же, как назло, возилась в кухне, гремела посудой и не торопилась развлекать приглашенных.

Борис Миронович поглядывал на часы, недоумевая, зачем он здесь. Никак бес попутал. Дома – жена с детишками, горячий ужин, мягкое кресло, телевизор... Может, извиниться и уйти? Тогда не стоило и приходить. Глупо все вышло.

Морозов украдкой следил за Ольгой, пытался угадать, чем она озабочена. Он намеревался намекнуть ей на свои чувства, но понимал, что на трезвую голову вряд ли решится. Хорошо бы выпить, и побольше. Майор захватил с собой две бутылки коньяка в надежде вос-

пользоваться случаем и объясниться с молодой учительницей. Он был уверен в ее благосклонности. Для Кострова такой мужчина, как Морозов, – завидная партия: за него любая пойдет.

Сергей Вершинин ждал Машу. Ему редко удавалось бывать в ее обществе – служба не оставляла ему свободного времени, так что сегодняшняя вечеринка обещала доставить незабываемые впечатления. Встретив Марию Симанскую, Сергей ощутил лихорадочное волнение, которое всколыхнуло его всего, до самых недоступных сердечных глубин, отозвавшихся на появление этой женщины. Он и не подозревал в себе такой страстной силы, такого жгучего желания. Вершинин сделал то, чего никогда раньше не делал, – написал ей письмо с признанием в любви, вечной и единственной, в духе средневековой рыцарской лирики. Сгорая от стыда за свою сентиментальность, рьяным противником которой он был до сей поры, Вершинин через сестру передал Маше письмо. Она приняла признание, не высмеяла его, не отвергла. В ее глазах, когда она смотрела на Сергея, появились проблески интереса. Эта ничтожная толика ее внимания вознесла молодого офицера на небеса, привела его в восторженно-трепетное состояние, к готовности на безрассудства, на подвиги и жертвы, которых никто от него не требовал. К сожалению.

Ольга с ужасом наблюдала за этим его *рывком в неведомое*, молчала. У нее просто язык не поворачивался сказать Сергею, что он далеко не одинок в своих стремлениях, и что Маша, кажется, почти сделала свой выбор в пользу Руслана Талеева. Светски любезный, с манерами, отполированными петербургским обществом, интеллигент, ученый, зрелый мужчина, который знает, чего хочет, Талеев по всем статьям выигрывал у Вершинина. Даже по возрасту. Сергей мог превзойти его только в одном – чистоте и накале молодых, нерастратченных, не тронутых никакими корыстными или житейскими расчетами чувств.

Зорина между тем накрыла стол, поставила самовар и теперь прислушивалась, не стучат ли в дверь. Выюга свирепствовала нешуточная, мороз крепчал. Слышно было, как стонет, сгибаясь, старый тополь у крыльца. Как ни была насторожена Тамара Ивановна, приход запоздавших гостей застал ее врасплох. Обмирая от тревожного, болезненного любопытства, она впустила в дом долгожданную троицу – Чернышева, Талеева и Марию Варламовну. Сразу стало шумно, тесно от суеты, разговоров, смеха и приветствий. Мужчины наперебой кинулись снимать с *Машеньки* отяжелевшую от снега шубку, меховые сапожки, состязаясь в галантной предупредительности. Зорину передернуло, но она нацепила на лицо маску радушной хозяйки, рассыпалась в шутках и комплиментах.

Заскучавшие было Герц и Вершинин оживились, когда румяная от ледяного ветра, сдержанно улыбаясь, в светлую, жарко натопленную гостиную вошла Мария Варламовна. Мужчины невольно привстали; Морозов и Ольга о чем-то шептались в углу у печки, но как по команде подняли головы.

– Явление Христа народу! – ядовито прошипела сквозь зубы Тамара Ивановна, благо, на нее никто не смотрел.

Вслед за Симанской и хозяйкой вошли Андрей Чернышев в летной форме и Руслан Талеев в безукоризненно сидящем на его крепкой фигуре элегантном костюме.

Ольга украдкой бросила встревоженный взгляд на Сергея и по его мгновенной бледности, по сжатым губам поняла, что он безошибочно угадал в Чернышеве и Талееве соперников.

– Что-то будет? – прошептала она.

Начали шумно, весело усаживаться за стол. Борис Герц напрочь забыл о домашнем ужине, о своей Софе и пухленьких малютках-дочках, пожирая глазами бывшую одноклассницу Машу, которая расцвела и еще похорошела, хотя казалось, что подобное просто невозможно. «И ведь она даже не красива в общепринятом смысле этого слова! – в смятении подумал Борис Миронович, ощущая себя прежним робким, стеснительным мальчиком на школьном вечере, где блистает его *звезда*. – У нее нет тонкой талии, длиннющих ног, ее ключицы не торчат, груди не выдаются вперед, как два футбольных мяча, а губы не напоминают обильно смазан-

ные помадой вареники». Герцу пришлось сделать над собой усилие, чтобы отвести глаза от мягких завитков на висках Маши Симанской, которая успела из юной девушки превратиться в созревшую женщину. А он, новоявленный буржуа, занятый с утра до вечера своим бизнесом, этого не заметил! Может быть, сегодня он наконец осуществит давнюю, заветную мечту – пригласит Машу на танец, ощутит, каково это – прикоснуться к ее теплым плечам, оказаться близко... близко к ее телу, услышать ее дыхание...

Герц покрылся потом под дорогой фирменной рубашкой и поспешно опустил голову. Если таково начало, то что же последует за ним? Хвала Всевышнему, стол ломится от спиртного и закуски – можно будет выпить и немного расслабиться. Борис Миронович, обычно прижимистый, на сей раз не поскупился, захватил с собой полную корзину бутылок с дорогими напитками и деликатесами. Он не мог позволить себе ударить в грязь лицом перед Машей. Остальные гости, как и хозяйка дома, его не интересовали. Он пришел сюда, влекомый загадочным, непостижимым зовом своей рациональной, сухой души торговца, дельца до мозга костей, – и не пожалел. Есть в жизни вещи, которые не купишь... есть, оказывается, и в его сердце струнки, готовые петь любовные серенады. Это прекрасно!

Андрей Чернышев призвал всю силу воли, дабы сохранять беззаботный, разудалый вид эдакого гуляки, кутилы-гусара, которому все нипочем. Он бросал полные страсти взгляды на Ольгу и Зорину, избегая лишь Марии Варламовны, Маши... ради которой он рвался в захудалый Костров, жертвуя военной карьерой, продвижением и должностью. А она зря времени не теряла, обросла ухажерами, как праздничная елка – пряниками и конфетами. Вон, молодой Вершинин млеет от щенячьего восторга, сидя напротив и глаза в вырез ее платья. Так бы и свернул ему нахальную башку! Впрочем, этот безусый юнец Чернышеву не помеха. Куда опаснее второй – самоуверенный, расфуфыренный питерский хлыщ, который прилип к Машеньке, как пластырь. Правду говорили знакомые офицеры, что госпожа Симанская собирается замуж, а он, дурак, не верил! Вот, представился случай самому убедиться. И уж чувствует себя у Симанских как дома приезжий жених – с мамашей на короткой ноге: подлизывается к будущей теще. Что с этим делать? Не стреляться же с ним, в самом деле? «А почему бы и нет?» – мелькнула шальная мысль, вспыхнула... и пропала.

Чернышев скрипнул зубами, заметив, как Руслан наливает Маше в бокал вино, шепчет что-то ей на ушко. Проклятие! Майор выпил водки, не дожидаясь тоста, налил себе еще и вновь быстро выпил. Легче не стало.

Мария Варламовна же как будто не замечала ничего – пила, ела, улыбалась. Она не ощущала себя мишенью, яблоком раздора, точкой столкновения мужских амбиций, тяжелых, хмельных страстей. За столом, несмотря на скрытое кипение чувств, велся вполне мирный, внешне весело-оживленный разговор. Разве что пили много и как-то отчаянно.

– Прошу внимания, господа! – тоном великосветской дамы воскликнула Тамара Ивановна. – У нас сегодня будут фанты! А после... сюрприз!

Все смолкли, повернулись в ее сторону.

– Предлагаю потанцевать! – осмелев от нескольких рюмок коньяка, предложил Борис Герц.

Его слова потонули в хоре голосов, требующих собирать вещи-фанты, по которым будут назначаться задания. Ольга Вершинина принесла высокую вазу с широким горлышком и обошла с нею гостей. Каждый положил туда какую-нибудь мелкую вещицу. Мария Варламовна опустила в вазу перстень с александритом.

Зорина потирала руки – пока все шло так, как она задумала.

Глава 7

Подмосковье. Марфино

Ева сидела на диване, поджав ноги, грелась у огня. Березовые поленья уютно потрескивали, от камина шел жар.

– Все! – сказал Смирнов, обнимая ее за плечи. – Машина в гараже, ворота я закрыл. Воду включил. Через пару часов бойлер нагреется, если электричество не вырубят. Пойду поищу съестные припасы Синей Бороды.

– Я видела в кухонном шкафчике какие-то консервы, – вспомнила Ева. – И чайник поставь, пожалуйста.

Когда выяснилось, что в доме будет вода, она повеселела. Камин можно жечь хоть всю ночь, дров хватит. Смерть от голода им тоже не грозит. Вот только тени убиенных жен... Мысли о присутствии в доме бесплотных духов, не упокоившихся с миром, внушали Еве некоторые опасения.

– Сама придумала ужастик, теперь сама же и боюсь, – прошептала она, укутываясь в плед. – Ничего, выпью перед сном пятьдесят граммов коньяка, и все страхи как рукой снимет.

Всеслав нашел на кухне банку ветчины, сардины в масле, маринованные огурцы, несколько пачек сухого печенья, абрикосовый джем, растворимый кофе и компот из ананасов. Этого им с Евой хватит и на ужин, и на завтрак.

Он сложил еду на поднос, принес в «каминный зал».

– А кофе? – спросила Ева.

– Сейчас сделаю.

Она жевала без аппетита, хотя с утра ничего в рот не брала. Предстоящая ночь в этом доме пугала ее. Нервы...

– Ты же говорила, что проголодалась, – улыбнулся Славка. – А сама ничего не ешь.

– Я боюсь, – буркнула Ева, с трудом проглотив кусочек ветчины. – Мне лучше было остаться дома. Не люблю чужого жилья.

– Здесь нет никого, кроме нас. Я обошел оба этажа, заглянул в каждый уголок.

– А подвал?

Сыщик с завидным спокойствием поглощал сардины, рядком укладывая их на печенье, и запивал горячим кофе.

– Неужели кто-то в такой мороз будет сидеть в подвале? И зачем, скажи на милость? Нас с тобой подкарауливать?

Ева понимала, что он прав, но страх не уходил. Она пила кофе с коньяком, стараясь не думать о темноте и тишине, которые скоро наполнят дом. В этой темноте...

– Спать будем здесь, – прервал ее воображаемые ужасы Смирнов. – У огня.

Он придвинул один из диванов поближе к камину, принес подушки и плед. Метель не унималась. Слышно было, как дует за окнами ветер.

– Бойлер нагрелся? – спросила Ева.

– Наверное, нет. Придется подождать.

Светильник под потолком несколько раз мигнул.

– Снег может повредить провода, – сказал Всеслав, поднимая голову. – Ничего страшного. В бойлере полно воды, запас свеч приличный. Не пропадем.

Не успел он закончить фразу, как свет еще раз мигнул и погас.

– А-а-а! – завопила Ева, натягивая на голову плед. – Я так и знала!

Огонь в камине бросал на стены неровные багровые отблески, углы «зала» тонули во тьме. Смирнов подложил еще дров, опустил жалюзи на окнах, задернул тяжелые шторы, улегся рядом с Евой, обнял ее.

– Ты закрыл входную дверь? – испуганно прошептала она.

– Конечно, закрыл. Спи...

Ева затихла, прислушиваясь. За стенами дома бушевала вьюга, огонь с треском пожирал дрова. Всеслав сразу уснул, его ровное дыхание успокаивало Еву. Мало-помалу она задремала...

Посреди ночи она вдруг открыла глаза, ей захотелось пить. В чайнике оставалось немного воды, но надо было идти в кухню. Стараясь не разбудить Славку, Ева выскользнула из-под пледа, зажгла свечу и... Наверху, на втором этаже, раздался шорох, будто кто-то волочил по полу подол длинного платья. Скрипнули ступеньки лестницы... Ни жива, ни мертва, Ева потушила огонек свечи, вышла в холл и замерла. По лестнице спускалась женщина в старинном наряде, ее длинные волосы развевались, руки были вытянуты вперед, а на груди зияла открытая рана... кровь струйкой стекала по подолу, ее черные капли оставляли на лестнице кровавый след...

«Я же не кошка и не могу видеть в темноте», – подумала Ева.

Она хотела закричать, но горло свела судорога, а ноги приросли к полу.

– Ева! Ева! – Кто-то тряс ее за плечо. – Что с тобой? Проснись...

Жуткое видение сменилось лицом Славки, склоненным над ней. Ева вытаращила на него глаза, не в силах вымолвить ни слова.

– Ты громко стонала во сне, – сказал он. – Ночной кошмар? Выпей воды.

Она отодвинула его руку со стаканом, прошептала онемевшими губами:

– Я видела ее... жену Синей Бороды. Там, на лестнице...

– Кого? Где?

Ева медленно приходила в себя. Она лежала на диване, Славка сидел рядом, держал ее за руку; камин слабо горел, на каминной полке стоял подсвечник с зажженной свечой. Ей что, все приснилось? Господи...

– Мне приснилось... я видела мертвую женщину, она шла по лестнице, а за ней тянулся кровавый след... Что это? – Ева приподнялась, впиалась пальцами в Славкину ладонь. – Слышишь? Тс-с-сс...

Он хотел что-то ответить, но Ева прижала к его губам влажные от страха пальцы.

– Тихо...

В наступившей тишине отчетливо раздался какой-то скрежет, приглушенный шум и шаги. Сыщик вскочил, задул свечу.

– Сиди здесь и не двигайся, – прошептал он, набрасывая на Еву плед. – Даже не дыши!

Он бесшумно скользнул к двери, выглянул в холл. Кромешная тьма стояла в доме, но в ее непроглядном мраке явственно ощущалось чье-то присутствие. Смирнов прикрыл за собой дверь «каминного зала», где осталась Ева, двинулся вперед и прижался к стене холла. Холод пробрал его до костей. Однако ветер на улице, кажется, начал стихать – во всяком случае он уже не ударял порывами в стекла окон. В наступившей тишине слышались крадущиеся шаги.

Сыщик не ожидал встретить окровавленную тень мертвой женщины. В отличие от Евы, он сразу понял, что кто-то проник в дом и этот кто-то – отнюдь не бесплотен. Глаза плохо привыкали к темноте, вернее, густой мрак ничто не рассеивало. В холл выходило несколько дверей. Смирнов определил, откуда раздается шум, и затаился. Незнакомый, кто бы он ни был и с какой бы целью ни забрался в дом, не станет сидеть в темноте.

Через минуту под одной из дверей появилась слабая полоска света. Ночной гость воспользовался фонарем. «Интересно, что ему здесь нужно? – подумал Всеслав. – Грабитель? В

такую погоду даже воры не выходят на свой промысел. Убийца? Но откуда бы ему знать, что в доме кто-то есть? Одинокый бродяга, замерзший и желающий отогреться? Непохоже...»

– Почему я решил, что он один? – спросил себя сыщик. И тут же подтвердил: – Один. Чутье меня еще не подводило.

Неизвестный не таился. Подсвечивая себе фонарем, он вышел из комнаты – высокий, крепкий, в теплом спортивном костюме. Низко надвинутый капюшон закрывал его лицо. Всеслав не стал ждать, пока гость поравняется с ним, – метнулся вперед, используя фактор внезапности, нанес молниеносный удар... У ночного гостя оказалась отличная реакция: он успел отклониться, и удар прошел по касательной, не сбив его с ног, а только отбросив назад и в сторону. Что-то повалилось, загремело в темноте. Фонарь злоумышленника погас, а сам он со всех ног бросился обратно в комнату, из которой вышел. Что-то щелкнуло, хлопнуло, и несущемуся следом Смирнову бросило в лицо снегом из открытого окна. Перемахнув через подоконник, сыщик прыгнул в наметенный у стены сугроб. Бежать по глубокому снегу было неудобно. Метель хоть и утихла, но не прекратилась, в глаза летели колкие снежинки, слепили.

Видимо, за забором стояла машина с выключенными фарами, поджидающая ночного гостя. Мотор взревел, и автомобиль мигнул Смирнову красными огоньками на прощание, растворяясь в снежной круговерти. Нечего было и думать догонять его.

– Если это не армейский вездеход, то джип, – пробормотал сыщик, перелезая через забор обратно во двор.

Кто бы ни был неизвестный, он находится в прекрасной физической форме, имеет боевые навыки и... чертовски похож на Тараса Михалина! Спортивная фигура, рост... Неужели это был он?

У дверей дома Всеслав вспомнил, что в спешке не захватил с собой ключи. Пришлось лезть через окно. То самое окно, где стояла решетка «с секретом», о которой говорил Михалин. Оказавшись в комнате, Смирнов отряхнулся от снега, поставил на место решетку, закрыл раму и задумался. Происшествие не укладывалось в голове. Что за странный визит? Что и кому могло понадобиться здесь?

– Ева! – крикнул он. – Не бойся. Все кончено! Я уже иду.

Он вернулся в «каминный зал», где сама не своя от страха сидела Ева, зажег свечи.

– Кто-то проник в дом, – объяснил он, подбрасывая в огонь березовые поленья. – Я не сумел его задержать.

Зубы Евы стучали о край стакана, когда она пыталась выпить глоток водки. Известие о том, что по комнатам бродила не покойная дама с кровоточащей раной в груди, немного успокоило ее. Живой злоумышленник не так страшен.

– А ч-что ему было нужно? – спросила она.

– Он мне не сказал, – улыбнулся Смирнов. – Выскочил в окно, перелез через забор, прыгнул в машину и... поминай, как звали.

– Вы подрались?

– Это громко сказано. Столкнулись друг с другом в темноте. – Всеслав встал и взял в руки подсвечник. – Пойду, посмотрю, что там в холле упало.

– Я с тобой! – испуганно воскликнула Ева.

Они вышли в холл. На полу валялась кованая вешалка для одежды, украшенная острыми металлическими завитками. Сыщик поднял ее. Чертыхнувшись, посветил на свою ладонь.

– Что это? Кровь?

– Ты порезался? – Ева схватила его руку. – Нет... кажется, просто испачкался.

– Наш гость напоролся на вешалку и свалил ее! – обрадовался Смирнов. – Вот и полоска ткани от его костюма. Чудесно.

– Ты хотя бы рассмотрел его?

– Было темно, дорогая.

Костров. Год назад

Вечеринка у Зориной удалась на славу.

За окнами в синей ночи бесновалась метель, а в гостиной было тепло, ярко горела люстра, пахло женскими духами. Ольга Вершинина собрала фанты, но игру решили начать после танцев. Майор Морозов взял у нее вазу с вещичками гостей, поставил на подоконник. Хмель уже ударил ему в голову, позволил вести себя более развязно.

– Потанцуем? – шепнул он на ушко молодой учительнице, и, не дожидаясь ответа, обвил ее талию руками.

Герц едва не перевернул стул, бросившись к Маше Симанской. Он не даст себя опередить этим подвыпившим мужикам! Что они понимают в женской красоте? Что они вообще понимают в жизни? Он сам себе не верил, прижав Машеньку к своей упитанной груди, плавно переходящей в наметившееся брюшко. Неужели свершилось? Неужели он наконец держит ее в своих объятиях?

– Что, Боренька? – сладко обжигая его дыханием, прошептала она. – Забилося сердечко-то? Затрепыхалось? Гляди, не ровен час, прикипишь, не оторвать будет.

– Отдайся мне, – теряя голову, шептал Герц заплетающимся языком. – Озолочу!

– Кошелек у тебя толстый, это я знаю, – смеялась Маша. – Только мне не хватит.

Блеск ее зубов между накрашенными розовой помадой губами сводил его с ума. «Не надо было столько пить, – запоздало подумал Герц. – Ускользнет золотая рыбка от пьяного рыбака! Не исполнит заветного желания!»

Руслан Талеев пригласил на танец Тамару Ивановну. Та обмерла от неожиданности, прерывисто вздохнула, кладя руку на его сильное плечо. Она не слышала музыки, ничего вокруг не видела, окунувшись в свои сексуальные фантазии. А что еще оставалось делать? Наяву никто из этих мужчин постель с ней не разделит, так она хоть в воображении получит удовольствие.

Чернышев и Вершинин остались за столом. Они старались не встречаться взглядами. Сергей налил себе водки, молча выпил – ему хотелось убить Герца, который шептался с Машей, прижимался к ней жирным телом. Впрочем, с меньшим наслаждением он съездил бы кулаком по наглой физиономии Талеева. Но ни того ни другого делать нельзя – нужно сидеть в этой душной гостиной, улыбаться, говорить какие-то пошлости и умирять клокочущий внутри вулкан.

Андрей Чернышев, прищурясь, тоже наблюдал за Герцем и Машей. Он понимал, что Борис Миронович, несмотря на все свое богатство и сластолюбие, опасности не представляет. Другое дело – Талеев, залетный питерский кавалер; он, пожалуй, вскружит голову костровской красавице, увезет ее в дальние дали. Как же этому помешать?

Андрей не отдавал себе отчета, чего он на самом деле хочет от Маши. Любви? Повторения тех незабываемых ласк? Брака? Любовь у них вроде была – в юности, сильная, чистая, беззаветная. Куда она ушла? Почему иссякли чувства, исчезло волнующее, трепетное притяжение? Не у него – у Маши? Ничего не объясняя, не объявляя причины, она написала ему в училище перед самым выпуском, что желает счастья, прости, мол, и прощай. Чернышев так до сих пор и остался в том состоянии оглушительного провала, падения в никуда, мучительного недоумения... Что произошло? В чем его вина?

Те несколько ночей близости, которые были у них, казались теперь Андрею невосполнимыми, невозможными ни с какой другой женщиной. Они переливались в его памяти огнями диковинного самоцвета, до которого он дотянулся каким-то чудом, но не сумел удержать, упустил. Возобновить эту любовную связь было так же нереально, как вставить в золотую оправу живую звезду. Думаешь, вот она, рядом; а дотронулся – только обжегся, ослеп от сияния и боли.

Как вариант, оставался еще брак. Чернышев не мог не понимать, что, женившись на Симанской – даже если ему удастся вырвать или вымолить у нее согласие, – он ни секунды не будет иметь покоя, сгорая от ревнивых подозрений, от страха потерять ее.

Он не знал, чего хочет, и в то же время не мог оторваться от Маши: выйти из поля ее притяжения было для Андрея равносильно небытию. Он устал бороться с собой, навязывать себе «правильные» решения, поведение и мысли. Пусть все идет, как идет.

Над Костровом кружилась метель, била снежными хвостами, подобно фантастическому тысячеглавому дракону, изрыгая из разверстых пастей хлесткий морозный ветер. В домах топились печи, горел за окнами свет, было тепло, уютно.

В гостиной у Зориной звучала хорошая музыка, приглушенный смех, игривые разговоры. Ольга Вершинина таяла от любезностей майора Морозова, Тамара Ивановна напропалую кокетничала с Талеевым. Жарко пылала люстра. Пахло сигаретным дымом, апельсинами, коньяком и кофе.

Мария Варламовна не боялась, что Руслан приревнует ее к другим мужчинам. Ей это даже нравилось. И Андрюше Чернышеву полезно поскрипеть зубами – может, наконец, отстанет от нее со своими ухаживаниями. Вот Сережу Вершинина жалко – переживает мальчик, мучается. Но тоже закалка! Пусть смолоду привыкает, что за женщину надо сражаться, биться с превосходящими силами противника. А то привыкли: не успеют лениво поманить пальчиком, как девчонки уж бегут, задыхаясь от радости, на ходу юбки задирают и кофточка расстегиваются. Куда такое годится?

– Господа! Господа! – захлопала в ладоши, привлекая к себе внимание, хозяйка дома. – У нас фанты! Вы не забыли?

Морозов, предупреждая Ольгин порыв, принес вазу с вещичками, по которым следовало назначать задания, поставил на стол. Перечень действий для участников игры Зорина придумала заранее и написала на бумажке. Оглашать жребий выпало Руслану Талееву.

Он встал спиной к вазе, и Ольга вытащила первым перстень Марии Варламовны. Все затаили дыхание.

– Что сделать этому фанту? – торжественно спросила Вершинина.

– Рассказать любимую историю, – прочитал по бумажке Руслан, и по гостиной пронесся вздох разочарования.

– Что сделать этому фанту? – спросила Ольга, вынимая из вазы часы Талеева.

– Изречь пророчество, – прочитал тот.

Дальше разыгрывались «рассказать стихотворение», «поцелуй», «танец на бис», «пантомима» и «признание в любви», но уже без интереса. Зорина бросилась спасать положение.

– Ко мне пришло семеро гостей! – воскликнула она, обводя присутствующих многозначительным взглядом. – За окнами холодная, вьюжная тьма. Время приближается к полуночи... Семь – число таинств! Семь престолов, семь печатей, семь ангелов и семь дьяволов! Магический предел, за которым раскрываются врата непостижимого...

– Не призывайте духов тьмы, уважаемая Тамара Ивановна! – шутливо перебил ее Борис Герц. – Это небезопасно!

Но Зорина не дала сбить себя с избранной волны.

– Начнем игру, господа! – зловеще произнесла она, задавая тон будущим событиям. – Там ждут!

Она подняла указательный палец вверх и закатила глаза, остальные невольно подняли головы, сопровождая ее взгляд.

– У нас будто не фанты, а сатанинский обряд, – пьяно хихикнул Морозов.

На него зашикали. Играть так играть. Сильный порыв ветра со снегом распахнул окно, заранее незаметно приоткрытое Тамарой Ивановной, ворвался в комнату, обдавая гостей ледяным дыханием ночи.

– Ой! – пропищала Ольга Вершинина и спряталась за широкую спину майора. Андрей Чернышев криво улыбнулся, Герц промокнул платком вспотевший лоб.

– Начнем, судари и сударыни! – подыгрывая Зориной, заявила Мария Варламовна. – Моя любимая история... невероятно жуткая, замораживающая кровь в жилах того, кто ее услышит. Где моя жертва?

Она посмотрела сначала на Чернышева, дожидаясь, пока тот не занервничает, а потом ее взгляд остановился на Вершинине.

– Идите сюда, сударь, – вкрадчиво сказала она, поманив молодого офицера рукой. – Вы готовы принести свою душу на алтарь древней, ужасной тайны, которая... убивает?

Вершинин залился краской, затем побледнел, опустил глаза и... кивнул головой. С Машей он был согласен на все.

Тамара Ивановна от души наслаждалась происходящим: в ее гостиной бушевали настоящие страсти! Давно она так не развлекалась.

– Вынуждены покинуть вас, господа, ровно на пятнадцать минут, – улыбнулась Симанская, беря Сергея под руку и увлекая его к двери. – Именно столько длится страшная история о любви, сокровище, смерти и магическом заклятии. О-о-о! Какие леденящие кровь подробности придется вам услышать, мой верный рыцарь!

Они вышли за дверь в полной тишине. Гости оживились, дабы скоротать время, потянулись к выпивке и закуске. Герц неловко задел бокал с вином, и по скатерти растеклось красное пятно.

– Кровь! – дурашливо закричал Морозов, указывая на пятно пальцем. – Недобрый знак!

Присутствующие засмеялись, но как-то скованно. Ольга переживала за брата, проникаясь его состоянием. Тамара Ивановна с аппетитом поглощала бутерброд с икрой. Герц пил коньяк, заглушая приступ сексуального желания. Андрей Чернышев остро завидовал Вершинину – он дорого бы дал, чтобы оказаться на его месте. Проклятый щенок уводил у него из-под носа любимую женщину, а он продолжал сидеть как ни в чем не бывало и жевать, когда ничего в рот не лезет!

Руслан Талеев поглядывал на дверь, за которой скрылись Сергей с Марией Варламовной, и в его глазах вспыхивал злой огонек. Дразнит она его, что ли? Хочет вызвать ревность? Дамы это любят.

Четверть часа истекли, и молодые люди вернулись в гостиную. Оба возбужденные, с пылающими лицами.

– Как видите, я все еще жив, господа, – нервно пошутил Вершинин. – Занимательную историю поведала мне Мария Варламовна. Она слышала ее из уст своего отца, а тот... от своей покойной бабушки. Далее след кровавой тайны теряется в веках. Но это несущественно. Главное – какое продолжение она может получить в наши дни.

Он недвусмысленно посмотрел на Симанскую и провел ребром ладони по своей шее.

– Что ты себе позволяешь? – взвился Чернышев.

Его хваленая выдержка изменила ему, и он схватил Сергея за грудки, потряхнул. Тот резко ударил его по рукам. Морозов с Талеевым бросились их разнимать, оттаскивать противников в разные стороны. Не хватало еще драку затеять на вечеринке!

Герц проглотил очередную порцию коньяка, ощущая чудесную легкость. Наконец спиртное подействовало как следует. В голову пришла шальная мысль: а что, если предложить мужикам отступного? Выкупить у них Машеньку? Интересно, сколько денег им предложить, чтобы согласились отказаться от своих притязаний, даже не смотреть в ее сторону? И тогда он, Борис Герц, один будет...

Громкий, неестественный смех Чернышева помешал его размышлениям.

– Шутка, господа! – рассмеялся Андрей, подавая молодому офицеру руку в знак примирения. – Фанты! Необыкновенно эмоциональная игра!

Тот в замешательстве протянул свою. Не хотелось выглядеть мальчишкой, глупым забиякой в глазах Маши.

Хозяйка дома решила разрядить обстановку.

– Следующий фант! – захлопала она в ладоши. – Ваша очередь, Руслан Кириллович! С нетерпением ждем.

Талеев в наступившей тишине подошел к Марии Варламовне.

– Ты готова выслушать пророчество? Не менее ужасное, чем твоя история? Не станем уединяться, возбуждая нездоровое любопытство присутствующих! – Он театральным жестом приподнял ее руку и прикоснулся к браслету. – Почему ты, сударыня, надела сегодня эти странные камни александриты? Днем они радуют глаз прозрачной зеленоватой чистотой, но как только приходит вечер... они наливаются кровью, делаются красными! Не то кто-то убил кого... не то убьет... не знаю, но кровь каждый вечер проступает в этих камнях.

Мария Симанская отдернула руку.

– Довольно, – рассердилась она. – Придумай что-нибудь повеселее.

Глава 8

Москва

В спальне Тараса Михалина висели желтые шторы, они придавали стенам, мебели и ковру бронзовый оттенок. Сквозь шторы лился тусклый утренний свет.

Тарас посмотрел на спящую Анжелу, ее кожа тоже отливала бронзой. Красивая баба, но глупая до безобразия. Вчера вечером они встретились первый раз после долгого перерыва и умудрились повздорить. Кстати, как она оказалась в его постели?

Михалин попытался восстановить в памяти вчерашний вечер – они с Анжелой парились в бане, потом ужинали. Кажется, много пили... разговаривали о всякой всячине... потом начали спорить. О чем? Спор перешел в скандал, Анжела потребовала, чтобы он отвез ее домой. Он вызвал такси... на этом воспоминания обрывались, хоть тресни.

– Анжела! – сказал он, трогая ее за плечо. – Анжела, проснись!

Она пошевелила губами и отвернулась к стене. В спальне было тепло, все еще горел ночник. Анжела спала совершенно голая, она всегда так делала.

– О, черт! Да проснись же! – рассвирепел Тарас.

Вряд ли он понимал, чем вызвано его бешенство. Наверное, видом Анжелы, ее обнаженной спины, с которой сползло одеяло. Неужели у них был секс? Тарас проклинал себя за собственную слабость, за то, что позвонил ей, пригласил в баню. Какого черта? Они поругались, а потом... он даже не в силах вспомнить, что произошло. Зачем было столько пить? Голова гудела.

Зазвонил телефон. Тарас взял трубку и прошел в свой кабинет.

– Господин Михалин? – произнес незнакомый мужской голос. – Тебе привет с того света. От Феликса! Не ожидал?

Тарас стиснул трубку так, что едва не сломал ее. Сила-то в его руках осталась недюжинная.

– Кто говорит? – сквозь зубы спросил он.

– Адвокат дьявола! – хохотнул неизвестный. – Смотрел такое кино?

– Кто вы?

– Неплохо вы придумали со своей бабенкой, – продолжал голос. – Маленькая неувязочка вышла. Это ты подсунил ее своему... другу? Ха-ха! Ловко!

– Что за ерунда?! – возмутился Михалин.

– Знаю, что ты! Больше некому. Она была там... не так ли? Убила Феликса, а потом пришел ты, поднял шум... В общем, сценарий не нов. Но ты сумел добавить оригинальные штрихи. Где ты ее прячешь? Небось любовью занимаетесь в теплой постельке? Недолго вам осталось...

В трубке раздались гудки, а Тарас все сидел, стараясь унять сумасшедший стук сердца. На что намекал этот аноним? Кто это мог быть?

– Господи! – простонал он. – Господи...

– Что с тобой? – спросила Анжела, появляясь в дверях кабинета. – Кто тебе звонил?

Она надела его халат, который волочился по полу; ее густые волосы цвета воронова крыла спутались. На лице застыло недовольное выражение.

– Как мы очутились здесь? – спросил Тарас. – Ты помнишь?

– На такси приехали... Не надо было напиваться до поросячьего визга! – разозлилась она. – Тогда бы и любовь получилась, и голова бы не болела!

«Значит, с сексом осечка вышла, – почему-то обрадовался он. – Ясно, почему Анжела не в духе».

– Собирайся и уходи, – спокойно сказал Михалин.

– Как ты со мной разговариваешь?! – взвизгнула Анжела, и полы халата распахнулись, открывая ее точеное смуглое тело. – Какая муха тебя укусила?

– Цеце! – огрызнулся он.

Мозги Анжелы не смогли переварить этого слова, она резко повернулась, наступила на край халата и грохнулась. Тарас вскочил, но не успел ее подхватить – пришлось поднимать красавицу, приносить извинения.

– Ну, ты вообще... – заплакала Анжела, потирая ушибленную коленку. – Озверел!

– Просто халатик тебе не по размеру, – подавил улыбку Михалин. – И паркет скользкий. Нужно смотреть под ноги, милая. Хочешь выпить?

– Шампанского, – простонала она сквозь слезы.

Было невыносимо обидно – из-за охлаждения Тараса, его явного пренебрежения, которое он даже не старался скрыть, из-за впустую проведенной ночи. А она-то надеялась, что после парной они будут любить друг друга – неистово, самозабвенно, как раньше! И все наладится, вернется прежняя страсть, прежняя тяга друг к другу. Но вместо ласк Тарас сам напился водки и ее напоил. Она, дура, не смела отказаться, глотала эту гадость рюмку за рюмкой.

– Прощу! – Михалин налил в широкий фужер холодного шампанского, протянул ей. – Мы вчера немного поспорили, мне очень жаль.

На его лице не отражалось никакого раскаяния – одна холодная вежливость, скрытая насмешка.

– Зачем ты позвонил? – всхлипнула она. – Чтобы налакаться водки в моем присутствии? За этим, да? Тебя совесть мучает, ты отыграться на ком-нибудь хочешь! А я при чем? Я не виновата-а!

– О чем ты говоришь?

– Сходи в церковь, Тарасик, замоли грех... сразу легче станет! Почему ты так изменился? Ведь нам было хорошо вместе. Помнишь?

Лампа освещала деревянную отделку стен кабинета, тисненные золотом корешки книг, письменный прибор на столе, открытый бар, полный разноцветных бутылок.

– Все проходит, – жестко сказал Михалин. – Ты всерьез думаешь, будто я... причастен к смерти Феликса?

Она испуганно кивнула; ее глаза, красиво вытянутые к вискам, обрамленные густыми смоляными ресницами, метнулись и забегали.

«И красота может вызывать отвращение», – подумал Тарас.

– Значит, ты согласилась встретиться с убийцей? Хочешь его любви? А если я... – Он взял со стола нож для разрезания бумаги, картинно подбросил его вверх, поймал и помахал сверкнувшим лезвием перед точеным, безукоризненной формы носиком Анжелы. – Чик-чирик! И концы в воду!

Она отпрянула, выронила фужер... шампанское разлилось по ковру.

– Идиот! Шизофреник! – завизжала бывшая любовница, вскакивая и махая руками. – Кретин! Я все расскажу отцу! Он тебе покажет... чик-чирик! Ой... что это?

Анжела перестала плакать и молча уставилась на Тараса. Он, в одних плавках, стоял напротив нее, готовый отразить атаку ее острых ногтей.

– Надо было ехать домой, а не в квартиру к убийце, – саркастически улыбнулся Михалин. – Тем более к психически больному, как ты изволила выразиться. Каково было спать в одной постели с душегубом? А, милая?

Он сделал шаг вперед, Анжела попятилась, снова наступила на длинную полу халата и едва удержалась на ногах.

– Что это? – повторила она, показывая пальцем на его ноги. – Где ты так?

Тарас опустил глаза – по его бедру тянулась глубокая царапина. Она успела подсохнуть, но кое-где еще кровоточила.

– Черт... понятия не имею. Обо что-то поранился и не почувствовал.

– Надо промыть, – сказала Анжела, шмыгая носом. – У тебя есть перекись?

Перепады ее настроения не поддавались объяснению.

– Сам справлюсь, – буркнул Тарас. – Рана не смертельная. Уходи, Анжела. Мне хочется побыть одному, подумать. Вызвать тебе такси?

– Прогоняешь? – Весь ее пыл угас, руки опустились. – Не сердись, ладно? – Из метаящего молнии ее взгляд преобразился в жалобный, как у побитой собаки. – Мы оба не правы. Давай поговорим.

– Расставаться лучше друзьями, Анжела, – твердо произнес Михалин.

– Расставаться? – опешила она. Ее пустая головка была не в состоянии правильно оценивать ситуацию. – Все ссорятся, милый! А потом мирятся...

Он встал, ощущая, как саднит пораненное бедро. Впрочем, эта боль – ничто по сравнению с душевными муками. Анжела хоть и тупая, но кое-какая правда в ее словах есть.

Анонимный телефонный звонок не на шутку встревожил Тараса. Может, ему стоило рассказать сыщику все, без утайки?

Костров. Год назад

После фантов вечеринка у Зориной пошла еще оживленнее. Все старались заглушить напряжение, возникшее вследствие конфликта между офицерами, в том числе и сами виновники стычки. Кавалеры шутили, наперебой приглашали дам танцевать.

Ольга Вершинина потихоньку убрала со стола непочатые бутылки с водкой и коньяком – от греха подальше. Выпито было и так сверх меры.

– Я могу надеяться? – осмелев, шептал ей на ухо майор Морозов.

– На что? – опускала глаза молодая учительница.

Наблюдаемая чужая страсть, как известно, порождает у окружающих похожие ощущения. Морозов, который был увлечен Ольгой, глядя на соперничество мужчин из-за Марии Симанской, решил более настойчиво проявить свои чувства.

– Давайте сбежим отсюда! – горячо воскликнул он. – Поедем ко мне...

– В офицерскую гостиницу? – скривилась Вершинина. – Или в гарнизонное общежитие? Так ведь такси, пожалуй, снегом заметет по дороге. Придется вам вездеход вызывать!

– Ради вас, Оленька, хоть бро... бронетран-спортер! – заплетающимся языком по-армейски пошутил майор.

На самом деле она не поехала бы, даже предложи ей Морозов провести ночь любви в люксовом номере пятизвездочного отеля. Ольгу беспокоило нервное, наигранно-веселое поведение брата. Как бы парень дров не наломал! Ольга с Сергеем хоть и были двоюродными, но росли вместе, играли в пятнашки и прятки в бабушкином саду, делились игрушками, конфетами, а когда подросли, то и сердечными тайнами. Влюбленность брата в Машу Симанскую Ольга восприняла как временное увлечение, которое нахлынуло внезапно и постепенно пройдет. Сережка всегда был влюбчивым – в школе встречался то с одной девочкой, то другой, а будучи курсантом, переписывался сразу с несколькими девушками. Его интерес к Маше не казался чем-то особенным, не присущим его характеру. Ольга надеялась, что все само собой уладится, утрясется – брат убедится в бесполезности ухаживания за Симанской, осознает разницу в возрасте, в отношении к жизни, и успокоится, найдет себе другую женщину. Но происходило нечто странное, обратное ее ожиданиям.

Ольга не могла покинуть вечеринку и оставить Сергея одного. Даже любовные признания Морозова померкли из-за терзающего ее беспокойства.

Герц возбужденно следил за Марией Варламовной, утопая в эротических фантазиях. Усмиренное было желание снова разгорелось.

Руслан Талеев танцевал с Тамарой Ивановной, собираясь таким образом вызвать ответную ревность у Маши. Лучше бы вместо Зориной в его объятиях оказалась дама помоложе и красивее, но выбирать не приходилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.